Сказаніе о призваніи Варяговъ.

(Посвящается памяти А. Н. Пыпина).

I.

Непервоначальность Сказанія въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Сказаніе о призваніи Варяговъ извѣстно въ нашей исторической литературѣ преимущественно въ томъ видѣ, въ какомъ оно занесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. е. въ лѣтописный сводъ начала XII вѣка, сохранившійся въ многочисленныхъ передѣлкахъ, болѣе или менѣе исказившихъ первоначальный оригиналъ и восходящихъ къ XIV—XVII вв. Сравнительное изученіе Лаврентьевскаго, Радзивиловскаго, Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ въ значительной степени достаточно для возстановленія текста древнѣйшихъ изводовъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. По этимъ спискамъ не трудно возстановить Сказаніе о призваніи Варяговъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно читалось въ древнѣйшихъ изводахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Но будетъ ли это первоначальнымъ видомъ Сказанія?

Многія соображенія заставляютъ отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Во-первыхъ, изъ этого Сказанія, читающагося въ бо́льшей части списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6370 (862) годомъ, неясно, кто собственно былъ призванъ на княженіе Словѣнами, Кривичами, Чудью и Весью — варяжскіе или

русскіе князья, Варяги или Русь. Правда, лѣтописецъ отожествляетъ Русь и Варяговъ въ этомъ своемъ сказаніи, но онъ дѣлаетъ это такъ неловко, что позволяетъ заподозрить въ замѣчаніи о тожествѣ Варяговъ и Руси позднѣйшую вставку. «И идоша за море къ Варягомъ, к Русі, сице бо ся звахуть Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмане, Анъгляне, друзии Гъте тако и си *Русь*»[1]). Слова «к Русі ... тако и си Русь» имѣютъ характеръ вставки, нарушившей первоначальную нить разсказа, повѣствовавшаго о призваніи Варяговъ. Дѣйствительно, если Русь тожественна съ Варягами и если словенскія и чудскія племена обратились именно къ Руси, отчего было не сказать: «И идоша за море къ Руси»? Во-вторыхъ, совсѣмъ неясенъ смыслъ нижеслѣдующей фразы сказанія, которую приводимъ по Московско-Академическому списку съ небольшими исправленіями: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Рускаа земля Новгородци (такъ въ *Лавр.*, а въ рукописи: Новгородъ) тіи суть людие Новгородьци отъ рода Варяжска преже бо бѣша Словѣни»[2]). Неясно именно, въ какой связи находится замѣчаніе о томъ, что Новгородцы, бывшіе прежде Словѣнами, теперь принадлежатъ къ роду Варяжскому (смыслъ этого замѣчанія?), съ предыдущимъ указаніемъ: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Рускаа земля».

Имѣя такимъ образомъ въ виду, съ одной стороны, возможность заподозрить въ текстѣ Сказанія вставку, съ другой необ-

---

1) «Тако и си Русь», вѣроятно, слѣдуетъ читать вмѣсто «тако и си», какъ въ Лавр., Ипат., Радзив. и другихъ. Засимъ предлагаю читать: «и рѣша Чюдь Словѣне Кривичи» и т. д., вмѣсто чего въ Лавр. и Ипат. «рѣша (ркоша) Русь. Чюдь. Словѣнѣ(и) Кривичи», а въ Радзив. и Моск.-Акад. «рѣша Руси Чюдь и Словене и Кривичи».

2) Неясность фразы доказывается внесенными въ нее большинствомъ списковъ искаженіями: Лаврентьевскій списокъ опускаетъ слово Варягъ; Троицкій опускаетъ слова: Новгородци тіи суть людие; Ипатьевскій и Хлѣбниковскій опускаютъ: Новгородци тіи суть людие Новгородьци отъ рода Варяжска преже бо бѣша Словѣни; Радзивиловскій, вм. преже бо бѣша Словѣни, имѣетъ: преже бо бѣ. Въ печатной Львовской: «Отъ тѣхъ прозвася Руская земля, которая потомъ Новгородская прозвалась, прежде бо были Князи по родамъ, а нынѣ владѣютъ отъ рода Варяжскаго».

ходимость заключить объ искаженіи первоначальнаго смысла фразы, только что нами приведенной, мы не можемъ признать текстъ Сказанія въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ читается въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, первоначальнымъ.

Изслѣдованіе другихъ мѣстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, гдѣ она говоритъ о Руси и о Варягахъ, гдѣ возвращается къ преданію о призваніи князей, нисколько не приближаетъ насъ ни къ пониманію неясной фразы Сказанія, ни къ объясненію предположенной нами вставки. Остановимся на нѣкоторыхъ статьяхъ до разсказа объ Игоревой смерти (съ этого разсказа чувствуется болѣе твердая рука лѣтописца).

Въ космографическомъ введеніи находимъ мѣсто, имѣющее близкое отношеніе къ Сказанію о призваніи Варяговъ. Въ перечнѣ племенъ, сидящихъ на западъ и къ югу (присѣдять отъ запада къ полуденью, ср. *Ипат.*, *Радзив.* и др.), названа Русь въ томъ же сосѣдствѣ, какъ въ Сказаніи: «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готе (*Ип.*, *Хлѣбн.* и *Троицк.*), Русь, Агняне». Вмѣстѣ съ тѣмъ однако Русь названа выше среди народовъ, обитающихъ Россію: «В Афетовѣ же части сѣдять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Моръдва» и т. д. Помѣщеніе Руси среди варяжскихъ народовъ, живущихъ на западѣ, могло бы дать придирчивой критикѣ основаніе отмѣтить противорѣчіе этого мѣста съ сообщеніемъ Сказанія о томъ, что Рюрикъ и его братья «пояша по собѣ всю Русь», но согласимся пока съ Гедеоновымъ, что это выраженіе лѣтописца нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ [1]).

Обращаемъ вниманіе на другое обстоятельство. Въ только что упомянутомъ перечнѣ народовъ, обитающихъ Россію, имя Русь обозначаетъ очевидно всѣ славянскія племена, сидѣвшія въ Русской землѣ и объединенныя лѣтописцемъ ниже выраже-

1) *Отрывки изъ изсл. о варяжскомъ вопросѣ* (Спб. 1862), стр. 11. Буквально понимали лѣтописца нѣкоторые изъ представителей «норманской школы» (Крузе, Погодинъ).

ніемъ «Словѣнескъ языкъ»[1]). Такое пониманіе подтверждается тѣмъ, что имя Руси замѣнило имя Словѣнъ, стоявшее въ источникѣ, откуда лѣтописецъ взялъ перечень обитавшихъ Россію народовъ[2]). Итакъ уже въ космографическомъ своемъ введеніи лѣтописецъ понимаетъ подъ Русью совокупность славянскихъ племенъ, управляемыхъ однимъ общимъ княжескимъ родомъ. Ср. такое же словоупотребленіе ниже: «а се суть инии языци, иже дань дають Руси: Чюдь, Меря, Весь», и т. д.; также въ сказаніи объ обрѣтеніи славянскихъ письменъ (подъ 898 г.): «тѣмже и Словеньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и намъ Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ Словѣнескъ». Особенно выдержано употребленіе слова Русь въ извѣстіяхъ о столкновеніяхъ съ Греками, о походахъ на Царьградъ (отчасти слово Русь перенесено здѣсь изъ болгарскаго перевода продолжателя Амартола), напр.: подъ 866, 907, 941, 944 («се иде Русь бещисла корабль»). Такъ же послѣдовательно и притомъ исключительно употребляется «Русь» въ договорахъ съ Греками, подъ 907, 912, 945 годами. Кромѣ народа, имя Русь извѣстно и какъ географическій терминъ; ср. въ космографическомъ введеніи: «тѣмже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы»; ниже: «се бо токмо Словѣнескъ языкъ в Руси»; «есть притъча в Руси и до сего дне»; подъ 898: «яже грамота есть в Руси»; также въ договорахъ. Прилагательное Русьскый опредѣляетъ слова князь, земля, грады, страна, людье, родъ, послы, челядинъ, законъ. Одинъ разъ, а именно въ сказаніи объ обрѣтеніи письменъ, находимъ Русскій языкъ: «А Словеньскый языкъ

1) Се бо токмо Словѣнескъ языкъ в Руси: Поляне, Деревляне, Ноугородьци, Полочане, и т. д.

2) Такимъ источникомъ, какъ объ этомъ подробнѣе въ статьѣ *Толковая Палея и Русская лѣтопись*, былъ хронографъ особаго состава, оказавшій вліяніе и на Толковую Палею. Ср. въ этой послѣдней: «и в части его сѣдять первыи языкъ Варяжьскыи, вторыи Словѣньскъ, третии Чюдь, четвертыи Ямь», и т. д. (изд. уч. Тихонравова, стлб. 243).

и Рускый одно есть». Въ договорахъ употребляется еще слово Русинъ.

Но рядомъ, въ рѣдкихъ впрочемъ случаяхъ, подъ именемъ «Русь» разумѣется нѣчто другое, чѣмъ совокупность славянскихъ племенъ, жившихъ подъ одной общей державой. Сюда относится, во-первыхъ, разсказъ объ Олеговомъ походѣ (907 г.), гдѣ Русь противопоставляется Словѣнамъ («И рече Олегъ: исшийте парусы паволочиты Руси, а Словеномъ кропиньныя»); во-вторыхъ, нѣсколько мѣстъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Сказанію о призваніи князей. Одно изъ нихъ уже указано выше въ космографическомъ введеніи лѣтописца. Ниже подъ 882 годомъ читаемъ: «И бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью»; сознаюсь, что и эта фраза для меня непонятна; повидимому, и прочи (*Ипат.* и прочии) подлежащее къ прозвашася; въ такомъ случаѣ смыслъ получился бы такой: въ дружинѣ Олега, осѣвшей въ Кіевѣ, были Варяги и Словѣне, прозвавшіеся Русью еще въ Новгородѣ, послѣ призванія князей; отъ нихъ назвались Русью и прочіе дружинники Олеговы. Но, быть можетъ, и прочи относится къ предшествующему предложенію: «и бѣша у него Варязи и Словѣни и прочии» (т. е. напр. Поляне, Кривичи, Чудь); если такъ, то почему же упомянуто о принятіи ими имени Руси подъ 882 годомъ при Олегѣ, послѣ переселенія его на югъ, разъ имя Руси принесено Варягами, призванными Новгородцами и другими сѣверными племенами. Подъ 898 г. лѣтописецъ еще разъ рѣшительно утверждаетъ, что названіе Русь принесено Варягами: «отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене; аще и Поляне звахуся, но Словеньскаа рѣчь бѣ»; ср. выше: «Бѣ единъ языкъ Словѣнескъ: Словѣни иже сѣдяху по Дунаеви... и Ляхове и Поляне, яже нынѣ зовомая Русь». Итакъ Поляне прозвались Русью отъ Варяговъ. Перечень племенъ, участвовавшихъ въ Игоревомъ походѣ противъ Грековъ (въ 944 г.), показываетъ, однако, что лѣтописецъ не отожествлялъ вполнѣ ни Полянъ, ни Варяговъ съ Русью; мы читаемъ: «Игорь же совкупивъ вои многи, Варяги, и (въ *Лавр.* оп.) Русь, и Поляны,

и (въ *Лавр.* оп.) Словѣни, и Кривичи, и Тѣверьцѣ». Впрочемъ, особеннаго значенія этому обстоятельству придать нельзя: въ перечнѣ племенъ, вошедшихъ въ Олегово войско, есть Варяги, но нѣтъ Руси (907 г.). Во всякомъ случаѣ Варяги послѣ призванія князей уже ни разу не названы Русью. Подъ 941 годомъ, послѣ пораженія Руси подъ Царьградомъ, Игорь посылаетъ «по Варяги многи за море, вабя е на Греки»; ср. также Варяговъ въ качествѣ наемниковъ русскихъ князей подъ 980, 1015, 1018 и сл. годами [1]). Тѣмъ любопытнѣе слѣдующее мѣсто Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 945 годомъ: «а хрестеяную Русь водиша ротѣ в церкви святаго Ильи, яже есть надъ ручаемъ...: се бо бѣ сборная церки, мнози бо бѣша Варязи хрестеяни»; термины Русь и Варязи сближены здѣсь настолько, что для объясненія «хрестеяной» Руси (это заимствовано изъ договора 945 года) указано на существованіе Варяговъ-христіанъ.

Итакъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ соединялъ съ именемъ Руси не вполнѣ опредѣленное представленіе: для него этотъ терминъ въ настоящемъ обозначалъ, во-первыхъ, славянскія племена, сидѣвшія близъ Кіева, на югѣ Россіи (ср. «Поляне яже нынѣ зовомая Русь»), во-вторыхъ, всю совокупность славянскихъ племенъ, соединившихся въ политическій союзъ, во главѣ котораго стояла одна общая княжеская семья. Но въ прошломъ съ именемъ Русь лѣтописецъ соединялъ представленіе о Варягахъ (Поляне прозвались Русью отъ Варяговъ, существованіе христіанской Руси объясняется принятіемъ христіанства Варягами, Русь — это племя жившее на западѣ въ сосѣдствѣ съ Варягами).

Умышленное подчеркиваніе составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ связи Варяговъ съ Русью, неоднократное упоминаніе

1) Подъ 1018 читаемъ: «Ярославъ же совокупивъ Русь и Варягы и Словѣнѣ». Здѣсь Русь можетъ имѣть значеніе южныхъ племенъ русскихъ (Полянъ), такъ же какъ въ концѣ лѣтописной статьи 1015 года, гдѣ читаемъ о Святополкѣ, услышавшемъ о приближеніи Ярослава съ Новгородцами (Словѣнами) и Варягами: «пристрои бес числа вой Руси и Чюдь».

о томъ, что имя Руси принесено Варягами и подъ ихъ вліяніемъ замѣнило древнія племенныя названія, наконецъ смѣлая рѣшимость указать на Русь среди другихъ «варяжскихъ» племенъ — все это даетъ намъ основаніе для предположенія, что первоначальный видъ Сказанія о призваніи князей говорилъ только о Варягахъ и что слова «к Руси, сице бо ся звахуть Варязи Русь . . . . тако и си Русь» — вставка, сдѣланная составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Высказанная здѣсь мысль не нова. Еще въ 1876 году Иловайскій обратилъ вниманіе на русскую редакцію лѣтописца патріарха Никифора, составленную, по его мнѣнію, въ Новгородѣ въ концѣ XIII вѣка. Первое русское извѣстіе, внесенное въ эту редакцію, читается въ слѣдующемъ видѣ: «при сего (т. е. императора Михаила) царствѣ придоша Русь, Чюдь, Словенѣ, Кривичи къ Варягомъ, рѣша: земля наша велика и обилна», и т. д. «Отсюда несомнѣнно, — замѣчаетъ Иловайскій, — что еще въ XIII вѣкѣ наши лѣтописи различали Русь отъ Варяговъ. . . . Эта редакція какъ нельзя лучше подтверждаетъ, что въ тѣхъ древнихъ лѣтописяхъ, которыми пользовались Іакимовскій отрывокъ, Длугошъ, Стрыйковскій и Герберштейнъ, Русь не смѣшивалась съ Варягами и изображалась народомъ туземнымъ, а не пришлымъ. . . . Нѣтъ сомнѣнія, что въ такомъ именно видѣ и существовала легенда о призваніи Варяговъ въ древнѣйшихъ редакціяхъ; а смѣшеніе Руси съ Варягами произошло конечно позднѣе»[1]).

Вполнѣ соглашаясь съ Д. И. Иловайскимъ относительно того, что легенда о призваніи Варяговъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ изложена не въ первоначальномъ своемъ видѣ, я не могу однако признать чтеніе русской редакціи Никифорова лѣтописца

---

1) *Разысканія о началѣ Руси*, стр. 300 — 301. То же во второмъ изданіи М. 1882), стр. 112. Потебня, имѣя частью въ виду мнѣніе Иловайскаго, признавалъ слова «сице бо ся звахуть тьи (тии) Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое (Свее)» и пр. очевидною глоссой. *К исторіи звуков русскаго языка*, в. II (1880 г.), стр. 16.

болѣе древнимъ, чѣмъ чтеніе *Лавр.*, *Ипат.* и другихъ списковъ. Правда, составленіе русской редакціи Никифорова лѣтописца можно относить, въ виду списка, принадлежавшаго И. И. Срезневскому, не къ концу, а къ первой половинѣ XIII вѣка (русскія событія въ этомъ спискѣ доведены до 1223 года, до Калкской битвы)[1]), но во всякомъ случаѣ она моложе древнѣйшихъ суздальскихъ редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ, относящихся, какъ ясно изъ сравненія Радзивиловской, Переяславской (Переяславля Суздальскаго) и Лаврентьевской лѣтописей, къ концу XII в.[2]). Я упомянулъ именно о суздальскихъ сводахъ потому, что обѣ редакціи Никифорова лѣтописца—указанная Д. И. Иловайскимъ (по Новгородской кормчей ок. 1283—1284 г.)[3]) и отмѣченная И. И. Срезневскимъ (историческій сборникъ XVII в.)—носятъ явные слѣды не новгородскаго, а именно суздальскаго или ростовскаго происхожденія. Ср. въ окончаніи списка Срезневскаго упоминаніе объ удѣльныхъ князьяхъ Суздальской области: «по Костянтинѣ братъ его Юрье въ Володимѣри, а Костянтиновичи Василко в Ростовѣ а Всеволодъ въ Ярославлѣ»; ср. въ окончаніи списка конца XIII в.: «Борисъ Ростовьскыи княжи лѣтъ 40 и оумре въ Татарехъ, и сѣдоста въ Ростовѣ сына его Дьмитрии и Костяньтинъ. а Глѣбъ приехавъ ис Татаръ княживъ 7 мѣсяць и оумре». Мы имѣемъ основаніе думать, что составитель ростовской редакціи Никифорова лѣтописца руководствовался, дѣлая свои вставки о русскихъ событіяхъ, лѣтописнымъ сводомъ, близкимъ къ Лаврентьевскому, а извѣстно, что однимъ изъ источниковъ Лаврентьевскаго свода была именно ростовская лѣтопись съ предшествовавшею ей Повѣстью временныхъ лѣтъ[4]). Такъ Рюрикъ по сообщенію Ники-

1) Ср. *Извѣстія Втор. Отд. Имп. Ак. Наукъ*, т. VIII (1860), стр. 390—393.

2) Ср. *Изслѣдованіе о Радзив. или Кенигсбергской лѣтописи* (Спб. 1902).

3) Ср. *Полное Собр. Русск. Лѣт.* I, 248—252. Та же редакція читается передъ такъ называемою Голицынскою (Новгородскою 4-ю) лѣтописью (Толст. собр. II, № 58). Тоже, но въ иной редакціи передъ Никоновскою лѣтописью.

4) Ср. Ив. Тихомировъ, *О Лаврентьевской лѣтописи* (Ж. М. Н. Пр. 1884 г., окт.); также въ *Изслѣдованіи о Радзивиловской или Кенигсбергской лѣтописи.*

форова лѣтописца садится не въ Ладогѣ (какъ въ *Радзив.*, *Переясл.*, *Ипат.*), а въ Новгородѣ: Лаврентьевскій списокъ также не знаетъ о Ладогѣ; такъ Ольга принимаетъ крещеніе при императорѣ Иванѣ рекомѣмъ Цемьскый; то же въ Лаврентьевской, между тѣмъ *Радзив.*, *Переясл.*, *Ипат.* замѣнили имя Іоанна именемъ Константина сына Леонова. Въ виду этого думаю, что сообщеніе о призваніи князей внесено въ лѣтописецъ Никифора изъ свода, сходнаго съ Лаврентьевскимъ. Въ этомъ сводѣ, какъ и въ Лаврентьевскомъ (также Ипатьевскомъ, но не Радзивиловскомъ) вмѣсто Руси читалось ошибочно Русь: «Рѣша Русь Чюдь Словѣни и Кривичи вся [1]) земля наша велика и обильна». Отсюда легко было вывести составителю ростовской редакціи Никифорова лѣтописца, что Русь въ числѣ прочихъ участвовала въ призваніи князей: «придоша Русь Чюдь Словѣне Кривичи къ Варягомъ» [2]).

Тѣмъ не менѣе мысль Д. И. Иловайскаго о возможности встрѣтить въ памятникахъ древней нашей письменности болѣе первоначальный видъ Сказанія о призваніи князей, чѣмъ тотъ, что читаемъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, подтвердилась послѣ изданія въ 1888 году Новгородской 1-й лѣтописи, изданія, помѣстившаго начало Коммиссіоннаго, Академическаго и Толстовскаго списковъ этой лѣтописи передъ текстомъ древнѣйшаго Синодальнаго списка. И вотъ въ началѣ Новгородской 1-й лѣтописи по указаннымъ спискамъ (впрочемъ, первые листы Акад. списка утрачены) мы дѣйствительно находимъ такой видъ Сказа-

1) Вся вм. Весь, ср. *Ипат.* и *Троицк.*: и Вся, *Радзив.*: и Вси.

2) Въ рукописи Синод. библ. XIV в., содержащей 16 словъ Григорія Богослова съ толк. Никиты Ираклійскаго, помѣщено краткое извлеченіе изъ русской редакціи Никифорова лѣтописца. Здѣсь читаемъ: «при сего же царствѣ придоша къ Варягомъ Р҃ Чюдь Словѣне Кривичи и рекоша имъ», и т. д. (см. *Опис. рук. Син. библ.* № 117). Повидимому, извлеченіе сдѣлано изъ одной изъ указанныхъ выше редакцій, при чемъ однако оно доведено только до крещенія Владиміра, послѣ чего замѣчено: «тако чтется отъ Владимера Русскыи лѣтописець». Подъ русскимъ лѣтописцемъ разумѣется здѣсь, вѣроятно, вторая (русская) часть Никифорова лѣтописца.

нія о призваніи князей, который содержитъ, сравнительно съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, явныя черты древности. Такъ здѣсь не указанъ точно годъ призванія; время его опредѣляется неопредѣленнымъ сообщеніемъ о томъ, что оно имѣло мѣсто послѣ изгнанія Варяговъ, случившагося во времена Кія, Щека и Хорива. Словѣне, Кривичи, Меря и Чудь посылаютъ за княземъ не къ Варягамъ Руси, а просто къ Варягамъ. По ихъ приглашенію являются три брата съ роды своими, при чемъ они берутъ съ собой многочисленную дружину (а не всю Русь, какъ указываетъ Повѣсть временныхъ лѣтъ). Такимъ образомъ легенда имѣетъ окраску «дружинно-династическую» и не заставляетъ Славянъ «призывать къ себѣ для господства цѣлый чуждый народъ»[1]). Правда, и въ Новгородской 1-й лѣтописи находимъ ту самую невразумительную фразу, которая обратила на себя наше вниманіе въ Повѣсти временныхъ лѣтъ («и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля; и суть Новгородстіи людіе до днешняго дни отъ рода Варяжьска»), но, какъ показываетъ анализъ, вполнѣ доступный изслѣдователю, желающему познакомиться съ исторіей Коммиссіоннаго и сходныхъ съ нимъ списковъ, эта фраза содержитъ въ себѣ вставку; вставкой, какъ увидимъ ниже, оказываются слова «Русь и отъ тѣхъ словетъ Руская земля».

Неоспоримое значеніе, которое въ одномъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи получаетъ свидѣтельство Коммиссіоннаго и сходныхъ съ нимъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ о происхожденіи содержащагося въ нихъ текста и объ отношеніи этого текста къ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Конечно, я не могу представить здѣсь полную исторію этого текста; не могу всесторонне разсмотрѣть связь его съ текстомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Долженъ ограничиться самыми общими указаніями на выводы, провѣрка которыхъ не должна, однако, затруднить чита-

1) Ср. Иловайскій, l. c., 301.

теля, знакомаго съ обоими памятниками—Повѣстью временныхъ лѣтъ и Новгородскою 1-ю лѣтописью.

II.

Исторія Коммиссіоннаго списка.

Останавливаюсь на Коммиссіонномъ спискѣ потому, что содержащійся въ немъ текстъ безъ всякаго сомнѣнія древнѣе текста сходныхъ съ нимъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи: Академическаго, Толстовскаго и Троицкаго[1]). Сравненіе съ Синодальнымъ спискомъ открываетъ въ Коммиссіономъ три части: первая—отъ самаго начала до 1074 года включительно—рѣзко отличается отъ соотвѣтствующей части Синодальнаго списка (начало этого списка утрачено, но текстъ 1016—1074 гг. сохранился); вторая—отъ 1075 до 1330 года включительно—содержитъ текстъ, весьма близкій къ Синодальному; лишь мѣстами онъ подвергся вставкамъ и сокращеніямъ; третья—отъ 1331 до конца—лишь въ началѣ представляетъ сходство съ Синодальнымъ спискомъ, совершенно прекращающееся съ 1333 года, такъ какъ Синодальный списокъ доведенъ только до этого года (съ конца 1330 года и до 1333 въ Синодальномъ идутъ разные почерки, а записи 1337, 1345 и 1352 гг. представляются приписками къ основному своду). Эта третья часть Коммиссіоннаго списка была доведена сначала до 1439 года включительно; извѣстія 1440—1446 годовъ приписаны другой рукой.

Кромѣ Синодальнаго списка Коммиссіонный находится въ ближайшемъ отношеніи къ той Новгородской лѣтописи, которая отразилась въ Софійской 1-й (и 2-й), а также въ Новгородской

---

1) Академическій списокъ, какъ видно изъ Толстовскаго (который слѣдуетъ признать его копіей), былъ доведенъ до 1443 года, между тѣмъ какъ Коммиссіонный, въ основной части своей, доходилъ только до 1439 г.

4-й лѣтописи. Софійскія лѣтописи и Новгородская 4-я возводятся къ одному общему протографу, до насъ не дошедшему и подвергшемуся въ каждой изъ нихъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ другихъ источниковъ. Протографъ этотъ, какъ видно изъ хронологическаго указанія подъ 1380 годомъ, одинаково переданнаго и въ Софійскихъ и въ Новгородской 4-й лѣтописяхъ[1]), составленъ въ 1448 году. Онъ представлялъ изъ себя соединеніе общерусской лѣтописи (свода, составленнаго при дворѣ митрополита) съ лѣтописью новгородскою. Вотъ эта то Новгородская лѣтопись и находится въ ближайшемъ родствѣ съ Коммиссіоннымъ спискомъ. Ср. предисловіе къ Временнику, помѣщенное въ Софійскихъ и Новгородской 4-й послѣ космографическаго введенія Повѣсти временныхъ лѣтъ, съ тожественнымъ предисловіемъ Коммиссіоннаго списка (благодаря вырванному листу въ Коммиссіонномъ, сохранился только конецъ предисловія); ср. далѣе рядъ общихъ чтеній въ текстѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ; перерывъ въ разсказѣ 1074 года; ср. наконецъ весь рядъ новгородскихъ извѣстій въ Софійскихъ и Новгородской 4-й, рѣшительнымъ образомъ сближающихъ съ ними Коммиссіонный списокъ. Все или почти все то, что отличаетъ Софійскія и Новгородскую 4-ю лѣтописи отъ Московскихъ и Суздальскихъ лѣтописей, все то, что сближаетъ ихъ съ Коммиссіоннымъ спискомъ, восходитъ къ особой новгородской лѣтописи, вошедшей въ 1448 году въ соединеніе съ лѣтописью общерусскою. Эта новгородская лѣтопись была, по свидѣтельству Софійскихъ, доведена только до 1421 года. Итакъ она была старше Коммиссіоннаго списка, доведеннаго, какъ мы видѣли, до 1439 года. Въ виду этого мы допускаемъ происхожденіе Коммиссіоннаго списка отъ Новгородскаго свода

1) «А Благовѣщеніе бысть въ Великъ день; а перво сего бысть за 80 лѣтъ и за 4 лѣта, а потомъ будетъ за 80 лѣтъ безъ лѣта, а потомъ за 11 лѣтъ». Слова «а потомъ за 11 лѣтъ» (принадлежащія другому лицу, чѣмъ все предыдущее) могли быть написаны только въ 1448 году, т. е. одиннадцать лѣтъ передъ 1459 годомъ, въ которомъ Пасха совпадала съ Благовѣщеніемъ (черезъ 79 лѣтъ послѣ совпаденія ихъ въ 1380 г.).

1421 года, отразившагося въ Софійскихъ и Новгородской 4-й лѣтописяхъ: вотъ почему многія новгородскія извѣстія этихъ лѣтописей оказываются переданными въ Коммиссіономъ спискѣ съ пропусками и сокращеніями (ср. особенно начиная съ 1327 года); вотъ почему перечень посадниковъ новгородскихъ, помѣщенный въ Коммиссіонномъ спискѣ подъ 989 годомъ, прерывается на имени Тимоѳея Васильевича, упоминаемаго въ лѣтописи подъ 1421 годомъ.

Но Коммиссіонный списокъ нельзя возвести къ одному только своду 1421 года; мы видимъ въ немъ изложеніе событій 1422—1439 годовъ. Откуда оно заимствуется? Въ томъ же изложеніи, что въ Коммиссіонномъ спискѣ, эти событія читаются въ Новгородской 4-й лѣтописи. Одна изъ древнѣйшихъ редакцій этой лѣтописи (редакція Новороссійскаго и Голицынскаго списковъ Публичной библіотеки) доведена до 1437 года, другія доходятъ до 1446, 1447, 1448 годовъ. Имѣя въ виду, что Новгородская 4-я лѣтопись въ редакціи, доведенной до 1437 года, содержитъ, напримѣръ, подъ 1435 годомъ болѣе древнія чтенія, сравнительно какъ съ послѣдующими редакціями той же лѣтописи, такъ и съ Коммиссіоннымъ спискомъ [1]), заключаемъ, что Коммиссіонный списокъ заимствовалъ текстъ 1422—1439 годовъ изъ Новгородской 4-й лѣтописи въ редакціи, доведенной, очевидно, до 1439 года. Итакъ составитель Коммиссіоннаго списка былъ знакомъ съ Новгородскою 4-ю лѣтописью (слѣдовательно, онъ работалъ послѣ 1448 года). Новгородская 4-я лѣтопись могла быть использована имъ не только для указаннаго дополненія, но также и для вставокъ и исправленій текста, заимствованнаго изъ свода 1421 года. Къ числу подобныхъ вставокъ отношу: повѣсть объ Александрѣ Невскомъ подъ 1240 и сл. годами (ибо въ этой повѣсти видимъ соединеніе текста общерусской лѣтописи, ср. Лаврентьевскую, съ текстомъ

1) Напр. Остафей Есифовичь названъ Остафья Норовыхъ; послѣ словъ и Михайла Буйносовъ прибавлено: «и владычень дворъ молодци».

новгородской, ср. Синодальную), цифру 22 при перечнѣ епархій русскихъ подъ 989 годомъ (между тѣмъ ихъ названо всего 13; въ Новгородской же 4-й подъ 898 перечислено 22 епархіи), вставки подъ 1055 и 1058 годами о новгородскомъ епископѣ Лукѣ (въ Новгородской 4-й такихъ вставокъ больше; напримѣръ, подъ 1058 приведено поученіе Луки, а подъ 1060 сообщено о его кончинѣ) и нѣк. др. Замѣтимъ, что послѣдующій редакторъ Коммиссіоннаго списка, дополнившій его до 1446 года, руководствовался опять Новгородскою 4-ю лѣтописью (въ позднѣйшей редакціи ея, доведенной до 1446); изъ нея же заимствованы нѣкоторыя изъ статей, читающихся впереди и позади лѣтописнаго текста (напримѣръ, перечень градомъ русскимъ).

Но вернемся къ основному тексту Коммиссіоннаго списка, доведенному до 1439 года. Позднѣйшій читатель снабдилъ его нѣкоторыми поправками, частью вынесенными на поля, частью вписанными надъ строкой. Источникъ этихъ поправокъ ясенъ: это одинъ изъ ближайшимъ образомъ родственныхъ Коммиссіонному списковъ, подобный Академическому, Толстовскому или малоизвѣстному, но тѣмъ не менѣе весьма важному списку — Троицкому [1]).

Итакъ анализъ Коммиссіоннаго списка открываетъ три источника его: Новгородскій сводъ 1421 года, Новгородскую 4-ю лѣтопись, и въ качествѣ дополнительнаго, отразившагося на маргинальныхъ припискахъ и поправкахъ, источника, какой-то списокъ, сходный съ Академическимъ или Троицкимъ списком Новгородской 1-й лѣтописи.

Главное содержаніе Коммиссіоннаго списка восходитъ, согласно предыдущему, къ своду 1421 года. Что же представлялъ

1) Ср. подъ 971 «в полату»: на полѣ, а въ Акад., Толст., Тр. въ текстѣ, подъ 968 «именемъ»: на полѣ, а въ другихъ въ текстѣ, подъ 920 «вои»: надъ строкой, а въ Толст. и Тр. въ текстѣ, подъ 988 «григорій богословець»: надъ строкой, а въ Толст., Акад., Тр. въ текстѣ (что ошибочно, ибо Григорій Богословъ не участвовалъ на третьемъ соборѣ), подъ 1074 «коврыгъ»: на полѣ, въ текстѣ «мало хлѣба единь укрухъ», а въ остальныхъ вмѣсто этого: «мало коврыгъ», и т. д.

изъ себя этотъ сводъ и какіе были его источники? Возстанавливается этотъ сводъ по Коммиссіонному списку, съ одной стороны, по Софійскимъ лѣтописямъ и Новгородской 4-й, съ другой. Несомнѣнно, что сводъ этотъ представлялъ изъ себя новгородскую лѣтопись, притомъ близко родственную съ Синодальнымъ спискомъ: въ этомъ легко убѣдиться изъ почти полнаго тожества его съ Синодальнымъ спискомъ въ части отъ 1075 до 1330 года (ср. выше). Тожество прекращается тамъ, гдѣ оканчивается третій основной почеркъ Синодальнаго списка. Съ 1331 до 1421 года новгородскія извѣстія свода 1421 года извлечены, повидимому, изъ Софійскаго владычняго свода, ведшагося изъ году въ годъ. Желая довести свой трудъ до современныхъ событій, составитель свода 1421 года естественно не могъ ограничиться главнымъ своимъ источникомъ — лѣтописью сходною, почти тожественною съ Синодальнымъ спискомъ. Но спрашивается, отчего онъ не ограничился этой лѣтописью и при изложеніи древнѣйшихъ событій до 1074 года включительно? Дѣйствительно, какъ указано выше, Коммиссіонный списокъ, а слѣдовательно и сводъ 1421 года представляютъ значительныя отличія отъ Синодальнаго списка въ части отъ 1016 до 1074 года (начало Синодальнаго списка, до 1016 года, утрачено). Текстъ Синодальнаго списка представляетъ и разгадку поставленнаго вопроса. Онъ кратокъ и невразумителенъ [1]); сводчикъ 1421 года не могъ удовольствоваться имъ; онъ рѣшилъ его дополнить. Свое рѣшеніе онъ привелъ въ исполненіе, но дополнилъ текстъ сходнаго съ Синодальнымъ списка только до 1074 года. Ясно, почему онъ остановился на этомъ годѣ: памятникъ, изъ котораго почерпнуты дополненія, обрывался на неоконченной фразѣ въ

1) Ср. извѣстіе 1039 года: освящена бысть церкы святыя Богородиця Володимиромь (чит.: св. Богородиця, юже созда Володимиръ, митрополитомъ Θеопемптомъ). Подъ 1044: погребена бысть 2 князя, сына Святославля: Ярополъ, Ольгъ; и крестяща кости ею. Подъ 1072: пѣренесена бысть Бориса и Глѣба съ Льта Вышегороду (на самомъ дѣлѣ изъ одной церкви въ другую, въ Вышегородѣ).

разсказѣ 1074 года («і абіе князь Святославъ и съ сыномъ своимъ Глѣбомъ цѣловавъ святаго старца и обѣщався манастыремъ пещися»). Итакъ въ части до 1074 года сводъ 1421 года представлялъ изъ себя соединеніе двухъ источниковъ: Синодальнаго или сходнаго съ нимъ списка и какого-то памятника, обрывавшагося, очевидно, вслѣдствіе дефектности экземпляра, на 1074 годѣ. Вотъ почему мы находимъ въ сводѣ 1421 года (ср. Коммиссіонный списокъ) рядъ такихъ мѣстъ въ части до 1074 года, которыя тожественны или почти тожественны съ Синодальнымъ спискомъ: ср. текстъ отъ 1017 до 1044 года.

Что же представлялъ изъ себя тотъ памятникъ, обрывавшійся на 1074 годѣ, по которому дополненъ въ сводѣ 1421 года текстъ списка, сходнаго съ Синодальнымъ? Возстановить интересующій насъ памятникъ въ предѣлахъ до 1074 года нетрудно: если мы исключимъ изъ Коммиссіоннаго списка все, что восходитъ къ Новгородской 4-й, то получимъ текстъ свода 1421 года; если изъ востановленнаго такимъ путемъ текста 1421 года исключимъ то, что восходитъ къ списку, сходному съ Синодальнымъ, а также къ редакторскимъ дополненіямъ самого сводчика 1421 года, то получимъ текстъ интересующаго насъ памятника, обрывавшагося на 1074 годѣ. Впрочемъ, болѣе или менѣе успѣшно можетъ быть выполнена только первая часть предстоящей задачи—и именно потому, что до насъ дошелъ текстъ Новгородской 4-й лѣтописи; вторая часть задачи осложняется тѣмъ, что текстъ Синодальнаго списка до 1016 года утраченъ.

Приступаемъ къ первой половинѣ задачи; исключимъ изъ Коммиссіоннаго списка, въ части до 1074 года, то, что съ бо́льшею или меньшею вѣроятностью можетъ быть возведено къ Новгородской 4-й лѣтописи. Въ самомъ началѣ, въ предисловіи, сюда относится чтеніе Александра: «и все поряду извѣстьно да скажемъ, отъ Михаила царя до Александра и Исакья». То же въ Новгородской 4-й и Софійскихъ лѣтописяхъ; ср. въ Троицкомъ спискѣ Новгородской 1-й болѣе правильное чтеніе: «до Олекси Исакья», т. е. до Олексы и Исакья; Троицкій списокъ, по

имѣющимся даннымъ, восходитъ къ *протографу* Коммиссіоннаго списка, исправленному и дополненному по одному изъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Мы не можемъ допустить вліянія Коммиссіоннаго списка на сводъ 1448 года, лежащій въ основаніи Новгородской 4-й и Софійскихъ, такъ какъ сводъ этотъ пользовался, согласно предыдущему, Новгородскимъ сводомъ, доведеннымъ до 1421 года и лежащимъ въ основаніи Коммиссіоннаго. Слѣдовательно, общее чтеніе «Александра», чтеніе, котораго, по свидѣтельству Троицкаго списка, не было въ сводѣ 1421 года (*протографѣ* Коммиссіоннаго списка), можетъ быть возведено только къ своду 1448 года, причемъ въ Коммиссіонный списокъ оно перешло непосредственно изъ Новгородской 4-й лѣтописи.—Подъ 989 годомъ въ Коммиссіонномъ спискѣ помѣщены перечни князей, кіевскихъ и новгородскихъ, митрополитовъ, епископовъ новгородскихъ, епархій русскихъ, посадниковъ новгородскихъ: какъ указано выше, кое что внесено при этомъ подъ вліяніемъ Новгородской 4-й лѣтописи; ср. цифру 22 повлѣ перечисленія епархій, которыхъ названо всего 13, между тѣмъ какъ въ Новгородской 4-й (подъ 898 г.) ихъ указано именно 22.—Подъ 1016 годомъ Коммиссіонный списокъ сходствуетъ съ Синодальнымъ въ разсказѣ о битвѣ подъ Любечемъ, но въ концѣ представляетъ вставку послѣ словъ «И бысть сѣчи злѣ», а именно въ Коммиссіонномъ читаемъ: «оже за рукы емлющеся сѣчаху и по удолиемъ кровь течаше; мнозѣ вѣрніи видяху ангелы Божіа помагающа Ярославу». Эти слова въ Софійскихъ и Новгородской 4-й имѣются подъ 1019 годомъ въ разсказѣ о битвѣ на Альтѣ, когда Ярославъ нанесъ Святополку окончательное пораженіе; очевидно, что составитель Коммиссіоннаго списка, говорившій согласно съ Синодальнымъ спискомъ (и со сводомъ 1421 года) только объ одной битвѣ, битвѣ при Любечѣ, внесъ въ описаніе ея изъ Новгородской 4-й подробности, относящіяся ко второй битвѣ, къ битвѣ на Альтѣ. Ниже въ Коммиссіонный списокъ вставлено о смерти Святополка, перефразированное изъ текста Новгородской 4-й (при чемъ дымъ замѣнило слово смрадъ).

Еще ниже, сравнительно съ текстомъ Синодальнаго списка, вставлено: «и давъ имъ правду и уставъ списавъ, тако рекши имъ: по сей грамотѣ ходите, якоже списахъ вамъ, такоже держите. А се есть правда Рускаа». Тѣ же слова имѣются и въ Новгородской 4-й (подъ 1030 г.); очевидно, они заимствованы въ Коммиссіонный списокъ изъ нея. Съ большою вѣроятностью можно возвести къ Новгородской 4-й слѣдующія еще мѣста: подъ 1044 извѣстіе о походѣ Ярослава на Литву и о закладкѣ Владиміромъ Ярославичемъ Новгорода, подъ 1049 о пожарѣ св. Софіи 4 марта, подъ 1050 объ окончаніи св. Софіи и объ освященіи ея повелѣніемъ князей Ярослава и Владиміра и епископа Луки, подъ 1055 о клеветѣ на епископа Луку отъ Дудики и поѣздкѣ Луки въ Кіевъ, гдѣ онъ остается въ теченіе трехъ лѣтъ, подъ 1058 о возвращеніи Луки и наказаніи Дудики, подъ 1060 о походѣ Изяслава съ Новгородцами и Псковичами противъ Сосолъ. Вѣроятность того, что всѣ эти извѣстія заимствованы именно изъ Новгородской 4-й и что ихъ не было въ сводѣ 1421 года, увеличится, если примемъ во вниманіе слѣдующее соображеніе: сводъ 1421 года, начиная съ 1045 года и до 1074 года, оказывается почти тожественнымъ (если исключимъ приведенныя новгородскія извѣстія) съ Повѣстью временныхъ лѣтъ, совершенно расходясь съ Синодальнымъ списокъ; итакъ составитель свода 1421 года слѣдовалъ въ указанныхъ предѣлахъ одному только источнику (памятнику, обрывавшемуся на 1074 годѣ). Неясно было бы, почему онъ именно въ этихъ предѣлахъ прибѣгъ къ помощи третьяго источника; еслибы онъ захотѣлъ дополнить извѣстія своего источника новгородскими событіями, то естественно могъ бы прибѣгнуть къ Синодальному (точнѣе: къ сходному съ Синодальнымъ) списку, гдѣ напр. подъ 1045 сообщается о пожарѣ св. Софіи, подъ 1066 и 1069 о нападеніяхъ Всеслава. Поэтому гораздо вѣроятнѣе предположить, что всѣ эти дополненія внесены не сводчикомъ 1421 года, а позднѣйшимъ редакторомъ, и именно составителемъ Коммиссіоннаго списка.

Выдѣливъ такимъ образомъ приблизительно все, что съ вѣроятностью въ Коммиссіонномъ спискѣ восходитъ къ Новгородской 4-й, переходимъ ко второй части нашей задачи: укажемъ что̀ именно въ возстановленномъ, путемъ сдѣланныхъ нами исключеній, текстѣ свода 1421 года восходитъ въ предѣлахъ до 1074 года къ списку, сходному съ Синодальнымъ, съ одной стороны, къ редакторскимъ дополненіямъ самого сводчика, съ другой. Какъ указано, эта часть задачи осложняется тѣмъ, что Синодальный списокъ сохранился только въ части съ 1016 года. Съ увѣренностью относимъ къ источнику Коммиссіоннаго списка, сходному съ Синодальнымъ, всю часть отъ 1016 до 1044 года включительно; составитель свода въ указанныхъ предѣлахъ слѣдовалъ исключительно своему новгородскому источнику, но исключилъ изъ него краткія и невразумительныя извѣстія подъ 1039, 1042, 1043 и 1044 годами. Съ вѣроятностью возводимъ къ тому же источнику извѣстіе 989 года о крещеніи Новгорода, такъ какъ наличность этого извѣстія въ утраченной части Синодальнаго списка врядъ ли подлежитъ сомнѣнію. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ помѣщены перечни, о которыхъ мы уже неоднократно говорили; въ нихъ сказалась рука редактора 1421 года: ср. перечень посадниковъ, доведенный до Тимоѳея Васильевича, упоминаемаго именно подъ 1421 годомъ.

Но въ перечняхъ, помѣщенныхъ подъ 989 годомъ, есть элементы, которые должны быть отнесены насчетъ позднѣйшаго редактора, работавшаго послѣ 1421 года. Такъ списокъ князей оканчивается Василіемъ Васильевичемъ, сѣвшимъ на великокняжескій столъ въ 1425 году; списокъ митрополитовъ доведенъ до Герасима, владычествовавшаго въ 1433—1435 годахъ; списокъ новгородскихъ епископовъ доходитъ до Евѳимія (перваго), правившаго епархіей между 1424 и 1429 годами. Всѣ эти дополненія не могли быть сдѣланы сводчикомъ 1421 года, но ихъ нельзя также приписать составителю Коммиссіоннаго списка, работавшему послѣ 1448 года; ибо конечно, списки митрополитовъ и епископовъ были бы продолжены еще дальше. Это

указываетъ на редактора, жившаго въ тридцатыхъ годахъ XV столѣтія. Вотъ одно изъ основаній предполагать, что составитель Коммиссіоннаго списка пользовался не самымъ сводомъ 1421 года, а позднѣйшею его редакціей, составленною въ началѣ тридцатыхъ годовъ. Другое основаніе — это повтореніе подъ 1432 и 1433 годами однихъ и тѣхъ же извѣстій, повтореніе доказывающее, что текстъ Коммиссіоннаго списка (его протографа) доходилъ нѣкогда до 1432 года.

Ставимъ еще вопросъ. Перечни, читаемые подъ 989 годомъ, восходятъ несомнѣнно къ своду 1421 года. Но читались ли они въ немъ подъ 989 же годомъ, или были помѣщены въ приложеніяхъ? Считаю вѣроятнымъ, что они имѣлись именно въ приложеніяхъ. Во-первыхъ, на отсутствіе перечней подъ 989 годомъ въ сводѣ 1421 года указываютъ Софійскія и Новгородская 4-я лѣтописи; во-вторыхъ, на тоже, уже не только для свода 1421 года, но и для позднѣйшей его редакціи, относящейся къ тридцатымъ годамъ XV столѣтія, указываетъ Троицкій списокъ, который восходитъ къ этой позднѣйшей редакціи, правда сближенной съ Коммиссіоннымъ спискомъ; въ-третьихъ тотъ же Троицкій списокъ доказываетъ, что именно въ приложеніяхъ къ своду 1421 года (даже позднѣйшей редакціи) читались перечни князей (въ Троицкомъ перечень новгородскихъ князей доведенъ до Юрія Дмитріевича, т. е. до 1433—1434 г.), а также новгородскіе юридическіе памятники (ср. въ Троицкомъ: рукописаніе Всеволода). Слѣдовательно, составителю Коммиссіоннаго списка принадлежитъ перенесеніе перечней изъ приложеній къ своду въ середину его, подъ 989 годъ. Ему же должно приписать помѣщеніе подъ 1016 годомъ, послѣ словъ «А се есть Правда Рускаа», текста Правды, читавшагося въ протографѣ Коммиссіоннаго списка въ приложеніяхъ (текстъ восходитъ къ Новгородскому своду 1421 года).

Подводимъ итоги нашему изслѣдованію. Коммиссіонный списокъ ведетъ насъ къ тексту свода 1421 года, а путемъ этого свода къ особому памятнику, обрывавшемуся на 1074 годѣ, если

(въ предѣлахъ до 1074 года) исключимъ изъ него, т. е. изъ Коммиссіоннаго списка: подъ 989 годомъ разсказъ о крещеніи Новгорода (внесенъ въ сводъ 1421 года изъ списка, сходнаго съ Синодальнымъ), подъ тѣмъ же годомъ перечни князей, владыкъ и т. д. (внесены въ Коммиссіонный списокъ изъ приложеній къ своду 1421 года); далѣе весь текстъ отъ 1016 до 1044 года (внесенъ въ сводъ 1421 года изъ сходнаго съ Синодальнымъ списка, но дополненъ составителемъ Коммиссіоннаго списка частью на основаніи Новгородской 4-й лѣтописи, частью на основаніи приложеній къ своду 1421 года); наконецъ, извѣстія новгородскія подъ 1049, 1050, 1052 (слова «мѣсяца октября въ 4 въ недѣлю»), 1055, 1058 и 1060 годами (извѣстія эти внесены въ Коммиссіонный списокъ изъ Новгородской 4-й).

III.

Начальный Кіевскій сводъ.

Итакъ, что же представлялъ изъ себя памятникъ, обрывавшійся (вслѣдствіе дефектности экземпляра) на 1074 году и послужившій, при составленіи свода 1421 года въ Новгородѣ, главнымъ источникомъ? Начинаясь предисловіемъ (въ концѣ котораго читалось: «и все по ряду извѣстьно да скажемъ отъ Михаила царя до Олексы и Исакья»), памятникъ этотъ, судя по сохранившимся отъ него частямъ, содержалъ, послѣ хронологическаго указанія «В лѣто 6362», разсказъ о древнѣйшихъ судьбахъ русской земли; съ 6453 (945) года онъ былъ очень сходенъ съ соотвѣтствующимъ разсказомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ; конечно, въ немъ были заполнены и 1016—1044 годы (въ сводѣ 1421 года здѣсь содержался разсказъ, заимствованный изъ сходнаго съ Синодальнымъ списка); конечно, онъ не обрывался на 1074 годѣ, а, согласно обѣщанію предисловія, доходилъ до

Олексы и Исакья (т. е. до разсказа о взятіи Царяграда крестоносцами въ 1204 году). Итакъ, интересующій насъ памятникъ былъ сводомъ XIII вѣка.

Оставляя совершенно въ сторонѣ возможныя догадки относительно происхожденія этого свода XIII в., перехожу къ ближайшему разсмотрѣнію сохранившейся части его. Какъ указано, она ближайшимъ образомъ сходствуетъ съ Повѣстью временныхъ лѣтъ. Намъ предстоитъ такимъ образомъ опредѣлить отношеніе ея къ Повѣсти. Прежде всего бросается въ глаза бо́льшая краткость интересующаго насъ памятника сравнительно съ Повѣстью. Возможно предположеніе, что мы имѣемъ дѣло съ сокращеннымъ изводомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Но такое предположеніе опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что сокращенія произведены какъ будто систематически, по опредѣленному плану. Такъ мы не находимъ въ нашемъ памятникѣ заимствованій изъ Амартола (и его продолжателя), которыя въ Повѣсти временныхъ лѣтъ занимаютъ очень видное мѣсто: правда, подъ 854, 920 и 1065 помѣщены болѣе или менѣе обширные отрывки изъ греческой хроники, но ближайшее изученіе показываетъ, что источникомъ ихъ была та хронографическая компиляція, которая дошла до насъ въ хронографическихъ редакціяхъ Толковой Палеи[1]). Такъ въ интересующемъ насъ памятникѣ отсутствуютъ договоры съ Греками. Такъ въ немъ не читаются, ни даже въ самыхъ краткихъ извлеченіяхъ, слѣдующія сказанія: легенда объ Андреѣ первозванномъ, сказаніе о смерти Олега, о четвертой мести Ольги (сожженіе Искоростеня), о поединкѣ отрока Переяслава съ Печенѣжскимъ богатыремъ, объ осадѣ Бѣлгорода Печенѣгами, о началѣ Печерскаго монастыря.

1) Такъ только изъ указанной компиляціи объяснимъ появленіе 6362 и 6428 годовъ. 6362 годъ — это опредѣленіе начала царствованія Михаила; по хроногр. компиляціи Палеи переложеніе священныхъ книгъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и крещеніе болгарской земли имѣли мѣсто въ 6363 году, «въ второе лѣто царства» Михаила. 6428 годъ — это годъ вступленія на царство Романа, причемъ въ компиляціи, непосредственно за словами «в лѣто 6428 индикту», сообщается о нападеніи Руси на Царьградъ (Синод. № 211, Погод. № 1435).

Вообще же лѣтописный текстъ Повѣсти не сокращается, приводится полностью, въ чемъ легко убѣдиться изъ сопоставленія его по нашему памятнику и по Повѣсти въ предѣлахъ 945 — 1015 [1]) и 1045 — 1074 годовъ. Слѣдовательно, невѣроятно допустить, чтобы нашъ памятникъ былъ извлеченіемъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Противъ такого предположенія говоритъ и то, что этотъ памятникъ представляетъ рядъ чтеній, не оправдывающихся ни однимъ изъ списковъ Повѣсти временныхъ лѣтъ: ср. особенно подъ 945, 955, 971, 983, 986 и 988 годами, гдѣ найдемъ нѣсколько тяжелыхъ, несуразыхъ въ синтактическомъ отношеніи оборотовъ, не встрѣчающихся въ Повѣсти. Наконецъ, предположеніе это опровергается еще и тѣмъ, что памятникъ нашъ представляетъ, въ особенности въ началѣ, значительныя отличія фактическія: такъ онъ сообщаетъ о походѣ Игоря на Угличей и Тиверцевъ и о продолжительной осадѣ Пересѣчена (въ Повѣсти временныхъ лѣтъ этого извѣстія нѣтъ); Игорь, по сообщенію нашего памятника, не остался малолѣтнимъ послѣ смерти отца, а наслѣдовалъ ему непосредственно; Олегъ же былъ его воеводой; Олегъ послѣ похода на Грековъ идетъ въ Новгородъ и оттуда въ Ладогу, его могила въ Ладогѣ (а не въ Кіевѣ, на Щековицѣ, какъ по Повѣсти).

Въ виду всего этого, признавъ невозможнымъ объяснить нашъ памятникъ извлеченіемъ или сокращеніемъ изъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы останавливаемся на другомъ предположеніи: передъ нами (въ позднѣйшей редакціи XIII в.) лѣтописный текстъ болѣе древній, чѣмъ текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, текстъ, послужившій источникомъ при составленіи Повѣсти. Въ пользу этого предположенія приведемъ все то, на что мы сейчасъ указали для опредѣленія взаимныхъ отношеній обоихъ памятниковъ. Во-первыхъ, составитель Повѣсти расширилъ ея

1) Въ похвалѣ Владиміру опущенъ обширный отрывокъ, повидимому, вслѣдствіе потери листа между словами: «живуще погыбають» и «нь воздати комуждо противу трудомъ».

текстъ, вставивъ въ нее заимствованія изъ Амартола (и по Амартолу создавъ хронологію до 945 года), вставивъ далѣе договоры съ Греками и рядъ повѣстей и сказаній частью книжнаго происхожденія, частью устнаго, народнаго[1]). Во-вторыхъ, составитель Повѣсти сгладилъ синтактическія шероховатости своего оригинала, шероховатости совсѣмъ не обычныя въ памятникахъ болѣе зрѣлой поры нашей письменности. Въ-третьихъ, онъ измѣнилъ мѣстами фактическое содержаніе этого оригинала: такъ, руководствуясь новыми данными (напр. договорами, народнымъ преданіемъ), онъ призналъ Олега княземъ, предшественникомъ Игоря; отсюда, пришлось сочинить малолѣтство Игоря при смерти Рюрика. Въ-четвертыхъ, составитель Повѣсти внесъ въ редактируемый текстъ такія поправки, которыя ясно обнаруживаютъ, что онъ работалъ позже, чѣмъ составитель интересующаго насъ памятника. Послѣдній, говоря, напримѣръ, о дани, возложенной Игоремъ на Новгородъ, выражался такъ: «а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто мира дѣля, еже нынѣ даютъ»[2]). Между тѣмъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ выразился иначе: «и устави (Олегъ) Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлеѣ даяше Варягомъ». Итакъ, нашъ памятникъ представлялъ чтеніе, восходящее къ первой половинѣ XI в., а Повѣсть временныхъ лѣтъ — чтеніе, возникшее не раньше второй его половины. Далѣе о дани, возложенной на Грековъ Игоревымъ воеводой Олегомъ нашъ памятникъ говорилъ: «и возложи дань, юже даютъ и доселѣ княземъ Рускымъ».

---

1) Позднѣйшая вставка разсказа о четвертой мести Ольги обнаруживается изъ текста самой Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ фраза: «И побѣдиша Деревляны и возложиша (чтеніе Лавр. списка) на ня дань тяжьку» разбита.

2) Въ Коммиссіонномъ и родственныхъ спискахъ: «еже не даютъ» явилось подъ вліяніемъ Новгородской 4-й. Чтеніе «еже нынѣ даютъ» засвидѣтельствовано какъ Никоновскою, такъ и Ростовскимъ владычнимъ сводомъ (списки Уваровск. № 188/1385 и Кириллобѣлоз., хранящійся въ Археогр. комиссіи). Оно восходитъ къ митрополичьему своду (полихрону), очевидно, пользовавшемуся нашимъ памятникомъ.

Между тѣмъ Повѣсть временныхъ лѣтъ представляетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ длинную вставку, основанную на Ольговомъ договорѣ съ Греками и на народномъ преданіи[1]). Слова «юже дають и доселѣ княземь Рускымъ» указываютъ на время до 1043 года, т. е. до разрыва между Ярославомъ и византійскимъ императоромъ.

Указанныя соображенія позволяютъ намъ утверждать, что интересующій насъ памятникъ, который назовемъ *Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ*, въ древнѣйшей своей редакціи, былъ основнымъ источникомъ для Повѣсти временныхъ лѣтъ. Временемъ возникновенія Начальнаго свода слѣдуетъ признать конецъ XI или самое начало XII в.: ср., съ одной стороны, наличность въ немъ лѣтописной статьи 1074 года, а съ другой, появленіе въ 1116 году Повѣсти временныхъ лѣтъ. Быть можетъ, Начальный сводъ составленъ тамъ же, гдѣ Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. е. въ Выдубицкомъ монастырѣ. Если въ немъ содержалось повѣствованіе объ ослѣпленіи Василька, написанное нѣкіимъ Василіемъ, едва ли не монахомъ или игуменомъ Выдубицкаго монастыря, къ которому князь Василько, судя по началу повѣствованія, былъ близокъ[2]), то время возникновенія Начальнаго свода опредѣлится 1099—1101 годами. Что онъ составленъ до 1101 года, слѣдуетъ изъ того, что въ немъ говорилось (судя по Повѣсти временныхъ лѣтъ) подъ 1044 годомъ о Всеславѣ князѣ Полоцкомъ, какъ о живомъ («еже носить Всеславъ и до сего дне на собѣ; сего ради немилостивъ есть на кровьпролитье»).

---

1) Вставка обнаруживается между прочимъ тѣмъ, что въ ней говорится о томъ, что уже сказано раньше; ср. выше: «и заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человѣкъ, а въ корабли по 40 мужь»; а въ вставкѣ: «И заповѣда Олегъ дани воемъ на 2000 корабль по 12 гривенъ на ключь».

2) Близость лѣтописца къ князю Василько Ростиславичу сказалась и въ разсказѣ о смерти Ростислава, отца Василька, подъ 1066 годомъ; въ концѣ разсказа помѣщена похвала Ростиславу. Подъ 1064 годомъ видимъ также сочувственное отношеніе къ тому же Ростиславу: «Ростиславъ же отступи кромѣ изъ града, не убоявъся его, но не хотя противу строеви своему оружья взяти».

Ближайшій анализъ Начальнаго свода открываетъ, однако, что отдѣльныя части его написаны раньше конца XI в. Такъ разсказъ о древнѣйшихъ событіяхъ на русской землѣ (до 945 года) составленъ до смерти Ярослава: ср. только что отмѣченныя два мѣста относительно дани, возложенной на Новгородъ, и дани, возложенной Олегомъ на Грековъ. Отсюда возникаетъ предположеніе, что Начальному своду предшествовалъ другой болѣе древній сводъ. Такое же предположеніе является и на основаніи другихъ данныхъ. Какъ отмѣчено выше, хронологія древнѣйшихъ событій группируется около двухъ годовъ, 6362 и 6428, заимствованныхъ изъ Палеи. Вмѣстѣ съ годами заимствованы изъ Палеи и лѣтописныя статьи о двухъ походахъ противъ Грековъ при императорахъ Михаилѣ и Романѣ. Одна изъ этихъ статей является очевидною вставкой въ болѣе древній текстъ: а именно послѣ разсказа о походахъ Русскихъ на Царьградъ, читаемъ прерванный разсказъ о Полянахъ (по сихъ лѣтехъ братіа сіи изгибоша, и т. д.). Равнымъ образомъ вставками оказываются вообще всѣ древнѣйшія хронологическія даты Начальнаго свода, что̀ особенно ясно изъ сопоставленія разсказа въ концѣ лѣтописной статьи 6430 (922) года и разсказа въ началѣ статьи 6453 (945): тамъ говорится о ропотѣ дружины Игоревой на то, что Игорь далъ Деревскую дань Свѣнельду, здѣсь приводится вторая половина фразы, обращенной дружиною къ князю. Между тѣмъ лѣтописныя статьи обоихъ указанныхъ годовъ разъединены вставкой цѣлаго ряда пустыхъ годовъ (6431 — 6447, 6449, 6451 — 6452), а кромѣ того краткими извѣстіями подъ 6448 и 6450, содержащими то же, что разсказано выше въ концѣ лѣтописной статьи 6430 года. Очевидно, текстъ Начальнаго свода ведетъ насъ къ такому памятнику, гдѣ не было хронологической сѣти. Этотъ памятникъ мы и признаемъ *Древнѣйшимъ лѣтописнымъ сводомъ*, составленнымъ въ первой половинѣ XI вѣка, до смерти Ярослава.

Сводъ этотъ былъ составленъ, конечно, на югѣ, въ Кіевѣ. Главное вниманіе удѣлялось въ немъ, судя по Начальному своду,

южнымъ событіямъ; они описаны съ отчетливымъ знаніемъ топографіи южной Руси, а въ частности Кіева. Ср. указаніе на мѣсто погребенія Аскольда и Дира, на мѣста погребенія Игоря, мужа Ольги, и внука Игорева—Олега Святославича, на мѣсто нахожденія терема княгини Ольги, и т. д.; ср. также преданія о началѣ Кіева, о дани, взимавшейся съ Полянъ Хазарами, о войнахъ сначала Аскольда и Дира, потомъ Игоря съ Древлянами и Угличами, о мести Ольги, и т. д. Но рядомъ находимъ и нѣкоторыя сѣверноруссkія черты, что̀ ведетъ насъ къ предположенію о томъ, что Древнѣйшій лѣтописный сводъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи сѣверный источникъ, соединенный сводчикомъ съ южными преданіями, южными статьями и извѣстіями. Сказаніе о призваніи Варяговъ составлено новгородцемъ: ср. въ немъ перечень сѣверныхъ племенъ, а также указаніе на Бѣлоозеро и малоизвѣстный на югѣ Изборскъ; ср. далѣе преданіе о смерти Олега, похороненнаго въ Ладогѣ («есть же могила его въ Ладозѣ»); ср. наконецъ, самый разсказъ объ Олеговомъ походѣ (послѣ котораго Олегъ идетъ къ Новгороду и оттуда въ Ладогу): въ этомъ разсказѣ Словѣне (т. е. Словѣне Ильменскіе, Новгородцы) противополагаются Руси (т. е. южнымъ племенамъ): «шийте прѣ паволочиты Руси,—приказываетъ Олегъ,—а Словеномъ кропинны . . .И воспяша прѣ Русь паволочитыя, а Словенѣ кропинныя; и раздра вѣтръ кропинныя. И рѣша Словенѣ: имемся своихъ толъстинахъ; не даны суть Словеномъ прѣ». Противоположить Словѣнъ Руси было естественно для словѣнина, новгородца; врядъ ли, напротивъ, могло такое противоположеніе придти въ голову южанину, ибо Словѣне составляли лишь часть всего Русскаго войска, куда входили (по позднѣйшему свидѣтельству Повѣсти временныхъ лѣтъ) не только Словѣне и Поляне, но также и Чудь, и Кривичи, и Меря, и Древляне. Выше въ Начальномъ сводѣ сообщено, что въ дружинѣ Игоря были Варяги и Словѣне, прозвавшіеся въ Кіевѣ Русью: ясно, слѣдовательно, что подъ Словѣнами разумѣются сѣверныя, а подъ Русью южныя славянорусскія племена.

Такимъ образомъ древнѣйшій ходъ нашего лѣтописанія представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Въ Новгородѣ, повидимому, до 1043 года, былъ составленъ разсказъ о древнихъ судьбахъ этого города въ связи, конечно, съ южными событіями, имѣвшими характеръ общерусскій. Въ серединѣ XI в., быть можетъ, еще во времена Ярослава этотъ разсказъ вошелъ въ соединеніе съ южными сказаніями и преданіями и образовалъ вмѣстѣ съ ними Древнѣйшій лѣтописный сводъ, отличавшійся отъ послѣдующихъ сводовъ между прочимъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было хронологическихъ опредѣленій, по крайней мѣрѣ, въ древнѣйшей своей части. Въ концѣ XI в. въ Выдубицкомъ монастырѣ составленъ былъ памятникъ, который называемъ Начальнымъ Кіевскимъ сводомъ; въ основаніе его положенъ предшествующій лѣтописный сводъ, дополненный вставками между прочимъ хронографическихъ статей и хронологическихъ опредѣленій, заимствованныхъ изъ Палеи. Начальный Кіевскій сводъ былъ главнымъ, основнымъ источникомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

IV.

Двѣ редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Повѣсть временныхъ лѣтъ дошла до насъ въ спискахъ не старше XIV в., въ качествѣ начала, введенія къ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ. Сравнительное изученіе этихъ списковъ приводитъ къ возстановленію двухъ древнѣйшихъ редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ, появившихся на разстояніи короткаго промежутка времени. Указаніе на первую изъ этихъ редакцій, доведенную до 1110 года, находимъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ, гдѣ послѣ неоконченной статьи 1110 года читается запись игумена Ми-

хайловскаго Выдубицкаго монастыря Сильвестра: изъ нея видно, что онъ написалъ лѣтописецъ въ 6624 (1116) году. Указаніе на вторую редакцію видимъ прежде всего въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ, гдѣ имѣется вся статья 1110 года и гдѣ затѣмъ читается продолженіе, не отличающееся характеромъ своимъ отъ части до 1110 года, но несомнѣнно составленное другимъ лицомъ (ср. вліяніе разсказа 1103 года на разсказъ 1111-го); это продолженіе прерывалось однако на 1117 годѣ, ибо, начиная съ 1118 года, характеръ изложенія мѣняется, лѣтопись становится на время короче, менѣе обстоятельной. Что вторая редакція составлена именно въ 1118 году, видимъ еще изъ слѣдующихъ данныхъ, отразившихся не только въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, но также и въ другихъ спискахъ, въ силу того, что всѣ дошедшіе до насъ списки представляютъ соединеніе различныхъ редакцій Повѣсти временныхъ лѣтъ и прежде всего двухъ древнѣйшихъ ея редакцій—1116 и 1118 года. Во-первыхъ, подъ 1096 годомъ находимъ въ Ипатьевскомъ, Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ разсказъ лѣтописца о бесѣдѣ его съ Новгородцемъ Гюрятой Роговичемъ (бесѣда идетъ о Югрѣ и Самояди, живущихъ на полунощныхъ странахъ). Связь этого разсказа съ бесѣдой лѣтописца съ посадникомъ Ладожскимъ и Ладожанами, изложенной въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ подъ 1114 годомъ, очевидна: сходны самые предметы бесѣдъ и самые пріемы ихъ изложенія (діалогъ, заканчивающійся ссылкой на византійскіе литературные памятники). Изъ лѣтописной статьи 1114 года видно, что лѣтописецъ—южанинъ по происхожденію—посѣтилъ Ладогу въ годъ обновленія ея укрѣпленій («пришедшю ми в Ладогу, повѣдаша ми Ладожане»); слѣдовательно, имѣемъ основаніе относить бесѣду того же лѣтописца съ новгородцемъ Роговичемъ къ тому же 1114 году. А отсюда заключаемъ, что лѣтописецъ составилъ свой трудъ въ 1117 или 1118 году, ибо лѣтописная статья о Роговичѣ начинается словами: «се же хощю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя

Роговичь Новгородець»[1]). Во-вторыхъ, въ хронологической выкладкѣ, читавшейся во 2-ой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 6395 (887) годомъ и изъ нея попавшей въ тотъ лѣтописный сводъ, откуда ее заимствовалъ протографъ Софійской 1-й и Новгородской 4-й лѣтописи, указано въ самомъ концѣ ея, что Владиміръ княжилъ четыре лѣта; изъ непосредственно слѣдующихъ за симъ словъ (перечня сыновей Мономаха: «а Володимера *Ярославича* сынове») видно, что дѣло идетъ о Владимірѣ Мономахѣ, сѣвшемъ на великокняжескій столъ въ 1113 году; слѣдовательно, лѣтописецъ работалъ на 4-е или 5-е лѣто его княженія, т. е. въ 1117 или 1118 году. Въ-третьихъ, въ приложеніи ко 2-й редакціи было помѣщено Поученіе Мономаха: въ Лаврентьевскій списокъ оно попало изъ 2-й редакціи вмѣстѣ съ другою вставкою—со статьей о Роговичѣ (ср. предыдущее примѣчаніе); между тѣмъ лѣтопись, вставленная въ Поученіе, доведена именно до 1117 года (похода на Ярославца къ Владиміру); слѣдовательно, лѣтопись, вставленная въ Поученіе, и 2-я редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ составлены въ одно время, въ 1117 или 1118 году; это и стоитъ въ связи со включеніемъ Поученія Мономаха въ составъ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Какъ указано, дошедшіе до насъ списки Повѣсти временныхъ лѣтъ представляютъ компиляцію обѣихъ редакцій этого памятника. Но при этомъ Ипатьевскій и Хлѣбниковскій во многихъ отношеніяхъ ближе ко 2-й редакціи, чѣмъ остальные. Вотъ почему изъ двухъ версій Сказанія о призваніи Варяговъ, встрѣчающихся въ спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы возводимъ версію Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ ко 2-й редакціи, между тѣмъ какъ версія Лаврентьевскаго и Троицкаго должна возводиться къ 1-й редакціи. Правда, въ Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ читается та же вер-

1) Въ текстѣ Лавр. списка, въ основныхъ частяхъ своихъ восходящаго къ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, статья о Роговичѣ вставлена такъ же, какъ вставлено находящееся непосредственно передъ нею Поученіе Владиміра Мономаха.

сія, что въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, но несомнѣнно, что протографъ этихъ списковъ (лѣтопись Переяславля Суздальскаго, въ древнѣйшей своей части до насъ недошедшая) представлялъ соединеніе текста 2-й редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ съ текстомъ, близкимъ къ 1-й редакціи (текстомъ Лаврентьевскаго списка); вотъ почему въ Радзивиловскомъ и Московско-Академическомъ спискахъ находимъ цѣлый рядъ общихъ чтеній съ Ипатьевскимъ и Хлѣбниковскимъ списками, чтеній, отличающихъ ихъ отъ Лаврентьевскаго: ср., напримѣръ, подъ 955 имя императора, при которомъ крестилась Ольга—Константинъ сынъ Леоновъ, между тѣмъ какъ въ Лаврентьевскомъ Цемскій, т. е. Іоаннъ Цимисхій.

Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленная въ 1116 году игуменомъ Сильвестромъ, положила, какъ мы видѣли, въ свое основаніе текстъ Начальнаго свода. Пользованіе хроникой Амартола и его продолжателя, а также еще другимъ хронографомъ (изъ него взятъ перечень финскихъ племенъ, о чемъ упомянуто выше, въ 1-й главѣ); пользованіе лѣтописью Печерскаго монастыря (доведенною до 1110 года), договорами съ греками и нѣкоторыми другими письменными источниками; знакомство съ народными преданіями и сказаніями—все это послужило для составителя Повѣсти прочнымъ матеріаломъ, при помощи котораго онъ переработалъ и дополнилъ текстъ Начальнаго свода.

Вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ обнаруживаетъ нѣсколько источниковъ, послужившихъ для переработки текста первой редакціи: къ числу ихъ относится между прочимъ Никифоровъ лѣтописецъ вскорѣ (имъ пользовался и первый редакторъ), особаго состава хронографъ (бывшій въ распоряженіи и перваго редактора), слова Меѳодія Патарскаго и др. Но кромѣ того, составитель второй редакціи внесъ въ свой текстъ нѣкоторыя народныя преданія и сказанія. Къ числу ихъ относится и то преданіе, которое отразилось въ составленной имъ версіи Сказанія о призваніи Варяговъ.

V.

Нѣсколько словъ о позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ.

Объ редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ легли въ основаніе нѣсколькихъ позднѣйшихъ сводовъ, составленныхъ въ Кіевѣ, Переяславлѣ Южномъ, Черниговѣ, Новгородѣ (ср. Синод. списокъ Новгородской 1-й лѣтописи), Владимірѣ, а затѣмъ и Ростовѣ, Переяславлѣ Суздальскомъ и другихъ княжескихъ центрахъ древней Руси. Есть основаніе думать, что въ началѣ XIV вѣка при дворѣ митрополита Петра возникла мысль скомпилировать мѣстные русскіе лѣтописные своды, чтобы создать общерусскій сводъ: отраженіемъ именно этого общерусскаго свода, хотя и неполнымъ и неточнымъ (благодаря вліянію другихъ сводовъ), можно признать Лаврентьевскій списокъ, доведенный до 1305 года, т. е. до года смерти предшественника Петрова, митрополита Максима. Ипатьевскій и Хлѣбниковскій списки также заимствовали значительную часть своего содержанія изъ митрополичьяго свода начала XIV в., обнаруживъ свою отъ него зависимость между прочимъ тѣмъ, что назвали Владиміра Мономаха великимъ княземъ всея Руси (подъ 1125 г.). Въ первой четверти XV столѣтія, при митрополитѣ Фотіи, возникла новая редакція общерусскаго свода (Владимірскаго полихрона), имѣвшая рѣшительное вліяніе на лѣтописаніе XV и XVI вв. Въ основаніи полихрона XV столѣтія лежалъ, повидимому, полихронъ начала XIV в., который, въ свою очередь, основывался на владимірскихъ лѣтописныхъ сводахъ. Путемъ этого первоисточника полихрона проникла въ его основаніе Повѣсть временныхъ лѣтъ, — но текстъ Повѣсти былъ дополненъ и исправленъ по другимъ источникамъ и между прочимъ по Начальному своду.

Меньше интереса представляла судьба Начальнаго свода.

Повидимому, однако, и онъ легъ въ основаніе нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сводовъ. Одинъ изъ нихъ, едва ли не галицко-волынскій сводъ XIII в., попалъ, какъ мы видѣли, въ Новгородъ и здѣсь, въ 1421 году, вошелъ, правда въ дефектномъ экземплярѣ, обрывавшемся на 1074 годѣ, въ соединеніе съ однимъ изъ списковъ Новгородской лѣтописи, сходнымъ съ Синодальнымъ спискомъ.

Соединеніе Владимірскаго полихрона и Новгородскаго свода 1421 года произошло въ 1448 году. Недошедшая до насъ компиляція 1448 года легла въ основаніе дальнѣйшаго московскаго лѣтописанія, съ одной стороны, новгородскаго, съ другой. Первое представлено списками Софійской лѣтописи, а второе списками и переработками такъ называемой Новгородской 4-й.

VI.

Первоначальный видъ Сказанія о призваніи Варяговъ.

Многочисленные списки, отчасти упомянутые въ предыдущихъ двухъ главахъ, даютъ намъ возможность возстановить различныя версіи интересующаго насъ сказанія. Намъ нетрудно возстановить текстъ сказанія, какъ онъ читался въ двухъ древнѣйшихъ редакціяхъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, затѣмъ въ полихронахъ начала XIV и первой четверти XV в., наконецъ въ сводѣ 1448 года. Гораздо сложнѣе представляется вопросъ о возстановленіи текста Начальнаго свода, такъ какъ почти единственнымъ источникомъ для него является Коммиссіонный списокъ Новгородской 1-й лѣтописи. Знакомство наше со сложною литературною исторіей текста, содержащагося въ этомъ спискѣ (см. гл. II), показываетъ, что Новгородскій сводъ 1421 года

(компилировавшій Начальный сводъ съ Новгородскою лѣтописью) отразился въ немъ далеко не въ неприкосновенномъ видѣ; а именно онъ подвергся здѣсь вліянію со стороны Новгородской 4-й лѣтописи. Такимъ образомъ текстъ сказанія о призваніи Варяговъ по Коммиссіонному списку долженъ быть прежде всего освобожденъ отъ возможныхъ на него наносовъ со стороны Новгородской 4-й лѣтописи. Опредѣливъ эти наносы, устранивъ ихъ, мы возстановимъ прежде всего ту версію интересующаго насъ Сказанія, которая читалась въ Новгородскомъ сводѣ 1421 года. Но эта версія была, повидимому, тожественна съ версіею Начальнаго Кіевскаго свода; Начальный же Кіевскій сводъ, по всей видимости, довольно точно передалъ версію Древнѣйшаго лѣтописнаго свода, который въ свою очередь отражалъ безъ измѣненій первоначальный видъ Сказанія, т. е. тотъ видъ его, въ которомъ оно вышло изъ подъ пера новгородскаго книжника первой половины XI в.

Итакъ отмѣтимъ, что̀ именно въ текстѣ Сказанія по Коммиссіонному списку, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, не должно было читаться въ Начальномъ сводѣ и можетъ быть возведено къ Новгородской 4-й лѣтописи. Вмѣстѣ со Сказаніемъ о призваніи Варяговъ разсмотримъ то мѣсто дальнѣйшаго лѣтописнаго разсказа, гдѣ говорится о вокняженіи Игоря въ Кіевѣ, составѣ его дружины и о дани, возложенной имъ на Новгородъ: это мѣсто, какъ мы видѣли стоитъ въ тѣсной связи со Сказаніемъ.

Вставками въ первоначальный текстъ Сказанія я признаю, во-первыхъ, имя Чуди въ перечнѣ племенъ, призвавшихъ Варяговъ, а именно: въ первыхъ строкахъ Сказанія вставлены слова «а Чюдь своимъ родомъ», ниже «и Чюди» (послѣ словъ «Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ»), еще ниже «и Чудь» (послѣ словъ «Словенѣ и Кривици и Меря»). Основанія для высказаннаго утвержденія у меня слѣдующія. 1) Сказаніе говоритъ о трехъ братьяхъ, призванныхъ сѣверными племенами на княженіе: Рюрикѣ, Синеусѣ и Труворѣ; число князей-братьевъ соотвѣтствовало, ко-

нечно, числу призвавшихъ ихъ племенъ; вѣроятно, поэтому допустить, что Чудь приписана позже къ первоначальному перечню, знавшему, повидимому, только Словѣнъ, Кривичей и Мерю; сообразно съ числомъ племенъ называются и три города, гдѣ сѣли призванные братья: это словѣнскій Новгородъ, кривическій Изборскъ; правда, вмѣсто ожидаемаго Ростова, города Мери, находимъ Бѣлоозеро; но, какъ укажемъ ниже, причиной этого было народное преданіе (оно отразилось и въ памятникахъ XV—XVI в.), тѣсно связавшее имя Синеуса именно съ Бѣлымъ озеромъ. 2) Въ началѣ сказанія говорится только о трехъ племенахъ: «Новгородьстии людие рекомии Словени и Кривици и Меря; Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою». Чудь названа отдѣльно и при томъ нѣсколько неожиданно: послѣ словъ «кождо своимъ родомъ владяше», читаемъ: «а Чюдь своимъ родомъ». 3) Чудь занимаетъ въ обоихъ перечняхъ четвертое и послѣднее мѣсто; а что это имѣетъ значеніе, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Повѣсти временныхъ лѣтъ Чудь названа на первомъ мѣстѣ, даже раньше Словѣнъ: это первое мѣсто, занимаемое Чудью въ Повѣсти, заставляетъ думать о позднѣйшей вставкѣ ея, сдѣланной составителемъ Повѣсти, откуда слѣдуетъ, что ея имени не было въ Начальномъ сводѣ. 4) Начальный сводъ (и согласно съ нимъ Повѣсть временныхъ лѣтъ) повѣствуетъ ниже о дани, наложенной Игоремъ (Олегомъ) на сѣверныя племена въ пользу Варяговъ: при этомъ названо опять только три племени, т. е. Словѣне, Кривичи и Меря, что̀ и естественно, ибо Чудь не была подвластна русскимъ князьямъ. — Откуда же и зачѣмъ попала Чудь въ текстъ Коммиссіоннаго списка? Думаю, что изъ Новгородской 4-й, куда она внесена изъ свода 1448 года, соединившаго и въ Сказаніи о призваніи Варяговъ особенности Повѣсти временныхъ лѣтъ (полихрона) съ особенностями Начальнаго свода (свода 1421 года). А именно мы читаемъ въ Новгородской 4-й: «въсташа Кривици и Словени и Мѣря и Чюдь на Варягы»; здѣсь Чудь на четвертомъ и послѣднемъ мѣстѣ, такъ какъ въ Повѣсти времен-

ныхъ лѣтъ нѣтъ соотвѣтствующаго мѣста, и Чудь вставлена въ текстъ свода 1421 года на основаніи предыдущаго извѣстія Повѣсти—о дани, взимавшейся Варягами «на Чюди, и на Словенѣхъ, и на Мери, и на всѣхъ Кривичахъ» (ошибочное чтеніе многихъ списковъ Повѣсти, вмѣсто «на Веси и на Кривичахъ»), а также послѣдующаго—объ участіи Чуди въ самомъ призваніи Варяговъ: «рѣша Чюдь, Словѣни, Кривици (Меря опущена, а изъ Веси сдѣлано прилагательное при словѣ земля) Варягомъ: вся земля наша добра и велика есть»[1]). Какъ попала «Чудь» въ Сказаніе по Повѣсти временныхъ лѣтъ, скажемъ ниже. — Замѣчу еще, что Никоновская, которая пользовалась Начальнымъ сводомъ или даже еще Древнѣйшимъ сводомъ (но въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ руководствовалась и Хронографомъ), говоритъ о томъ, что «Варязи, приходяще изъ заморія, имаху дань на Словенѣхъ, рекше на Новогородцехъ, и на Мещерехъ (чит. Меряхъ), и на Кривичехъ»; далѣе: «въсташа Словене, рекше Новогородци, и Меря, и Кривичи на Варяги»; наконецъ: «къ Варягомъ пріидоша Словене, рекше Новогородци, и Меря, и Кривичи». Чудь не упомянута совсѣмъ[2]).

Во-вторыхъ, нахожу необходимымъ возвести къ Новгородской 4-й лѣтописи слѣдующую фразу или часть слѣдующей фразы Коммиссіоннаго списка: «И отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словетъ Руская земля». Замѣчу сначала, что эта фраза находится въ противорѣчіи съ тѣмъ мѣстомъ Коммиссіоннаго списка и Начальнаго свода, гдѣ говорится о дружинѣ Игоря, начавшаго княжить въ Кіевѣ: «и бѣша у него мужи Варязи и Словенѣ, и оттолѣ прозвашася Русью»[3]).

1) Такъ же читаемъ въ Софійской 1-й лѣтописи съ тою разницей, что Чудь въ первой изъ приведенныхъ выше фразъ переставлена на третье мѣсто. Текстъ Софійской повторяется въ Воскресенской, Тверской.

2) Хронографъ, согласно съ Еллинскимъ лѣтописцемъ, говоритъ: «пріидоша Русь, Словене и Кривичи».

3) На полѣ со знакомъ выноса въ Комм. сп. «прочіи». Эта прибавка, согласно предыдущему (гл. II), принадлежитъ не редактору Комм. списка, а читателю, сблизившему его текстъ съ текстомъ Акад. или сходнаго съ Академ. списка.

Слѣдовательно, Словѣне и Варязи прозвались Русью, только перейдя на югъ, въ Кіевъ; поэтому въ Начальномъ сводѣ не могло читаться приведенное выше мѣсто, гдѣ сообщается о томъ, что Русью прозвались отъ Варяговъ самые Новгородцы. Новгородцы вообще очень не скоро назвались русскими; въ XII — XIV в. подъ Русью они разумѣли, судя по ихъ лѣтописямъ, сначала Кіевскую, а потомъ Суздальскую область. Такимъ образомъ выясняется, что приведенная фраза не содержалась въ Начальномъ сводѣ и къ тому же врядъ ли она вышла бы изъ подъ пера новгородца, хотя бы работавшаго и въ XV вѣкѣ. Повѣсть временныхъ лѣтъ также свидѣтельствуетъ о томъ, что этой фразы не было въ Начальномъ сводѣ; а именно въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Повѣсти читается: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля». Это чтеніе Повѣсти временныхъ лѣтъ стоитъ въ прямой связи съ утвержденіемъ, что Новгородцы и другія сѣверныя племена призвали князей изъ варяжскаго племени Русь. Но Начальный сводъ ничего не говоритъ о Руси и сообщаетъ о призваніи именно *варяжскихъ* князей и ихъ дружины. Слѣдовательно, въ Начальномъ сводѣ не могло быть и чтенія Повѣсти временныхъ лѣтъ, тѣмъ болѣе что оно совсѣмъ не согласовано съ непосредственно за нимъ слѣдующею фразой (въ Повѣсти нѣсколько искаженною): «и суть Новгородьстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска». Интересующая насъ фраза «и отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и отъ тѣхъ словѣтъ Руская земля», если въ особенности сопоставить ее съ ея продолженіемъ, только что нами приведеннымъ, носитъ явные слѣды контаминаціи, комбинаціи двухъ сходныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ противоположныхъ по значенію фразъ: въ одной говорилось, повидимому, о томъ, что отъ тѣхъ Варягъ, находникъ тѣхъ, прозвались Варягами призвавшіе ихъ Словѣне, а въ другой, что отъ тѣхъ Варягъ называлась Русская земля. Эту вторую фразу мы находимъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ; первая читалась, очевидно, въ Начальномъ сводѣ. Соединеніе Начальнаго свода (въ новгородской редакціи 1421 года) съ Повѣстью временныхъ

лѣтъ (въ редакціи полихрона) произошло на почвѣ свода 1448 года, откуда Новгородская 4-я и Софійская 1-я лѣтописи. Слѣдовательно, остановившая наше вниманіе въ Коммиссіонномъ спискѣ фраза восходитъ къ Новгородской 4-й лѣтописи; дѣйствительно, мы читаемъ въ ней: «и отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Роусь и отъ тѣхъ словеть Роуская земля». Эти строки замѣнили въ Коммиссіонномъ спискѣ фразу свода 1421 года, гдѣ, согласно только что указанному, говорилось о прозваніи Варягами призвавшихъ ихъ Словѣнъ (ср. ниже: «и суть Новгородьстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска»). Какъ же звучала эта фраза въ сводѣ 1421 года, а также въ Начальномъ сводѣ? Думаю, что такъ: «и отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозвашася Словѣне Варягы (или Варязи)»[1]). Такое чтеніе согласуется со слѣдующею за симъ фразой и объясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ чтеніе Новгородской 4-й (перешедшее въ Коммиссіонный списокъ): сводчикъ, какъ указано выше, скомбинировалъ возстановленную нами фразу съ фразой другого своего источника: «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля». Для этого слово Словѣне опущено, слово Варягы замѣнено словомъ Русь и за симъ прибавлено: «и отъ тѣхъ словеть (вм. прозвася, въ виду предшествующаго «прозвашася») Руская земля». Смыслъ возстановленной нами фразы тотъ, что попавшіе подъ господство варяжскихъ князей Словѣне стали сами себя называть Варягами, подобно тому какъ южныя племена, утративъ свои древнія названія, прозвались, по указанію кіевскаго лѣтописца, Русью: ср. въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 898: «А Словеньскый языкъ и Рускый одно есть, отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене»[2]).

Третье заимствованіе изъ Новгородской 4-й лѣтописи вижу

1) Въ смыслѣ конструкціи фразы, ср. въ космографическомъ введеніи къ Повѣсти временныхъ лѣтъ: «а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове».

2) Послѣднія слова напоминаютъ тѣ, которыя вставилъ составитель Повѣсти вр. лѣтъ послѣ фразы: «суть Новгородстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска»—«а преже бо бѣша Словѣни».

въ словахъ «еже не дають», относящихся къ только что упомянутой нами дани. Выше было указано, что въ Начальномъ сводѣ читалось «еже и нынѣ дають» (ср. Никон., а также списки Ростовскаго влад. свода). Составитель свода 1448 года, прочитавъ объ этой дани въ одномъ изъ обоихъ своихъ источниковъ: «еже даваше до смерти Ярославли» (дѣло идетъ собственно о Новгородѣ, уплачивавшемъ 300 гривенъ), а въ другомъ: «еже и нынѣ дають», счелъ умѣстнымъ измѣнить послѣднія слова въ «еже не дають». Отсюда эти слова перешли въ Софійскую 1-ю и Новгородскую 4-ю, а изъ Новгородской 4-й въ Коммиссіонный списокъ. Менѣе вѣроятнымъ представляется мнѣ предположеніе, что соотвѣтствующая поправка была сдѣлана уже въ сводѣ 1421 года. Думаю, что сводчикъ 1448 года, прочитавъ въ своемъ источникѣ, сводѣ 1421 года, «еже не дають», не внесъ бы этихъ словъ въ свой текстъ, а предпочелъ бы болѣе опредѣленное чтеніе второго своего источника—полихрона. Ср. замѣну фразы «еже не дають» словами «еже и даваше Варягомъ и до смерти Ярославли» въ спискѣ Царскаго Соф. 1-й лѣтописи, а также въ Тверской лѣтописи.

Итакъ, исправивъ текстъ Коммиссіоннаго списка въ трехъ указанныхъ нами мѣстахъ, мы возстановимъ тотъ видъ Сказанія о призваніи Варяговъ, который читался въ сводѣ 1421 года и въ самомъ Начальномъ сводѣ. Но будетъ ли это вмѣстѣ съ тѣмъ первоначальнымъ видомъ Сказанія? Не внесъ ли кое-что отъ себя въ древній текстъ Сказанія составитель Начальнаго свода? Повидимому, дѣйствительно, кое-что уже въ самомъ началѣ Сказанія принадлежитъ именно составителю Начальнаго свода или его протографа, Древнѣйшаго лѣтописнаго свода. Сюда относится, во-первыхъ, та переходная фраза, которою Сказаніе связывается съ предшествующимъ разсказомъ объ южныхъ, кіевскихъ событіяхъ: «въ времена же Кыя и Щека и Хорива». Во-вторыхъ, насчетъ редактора Начальнаго или предшествовавшаго ему Древнѣйшаго свода, отношу фразу «кождо своимъ родомъ владяше»; ср. слова «владѣюще кождо родомъ своимъ» въ самомъ

началѣ Начальнаго свода, въ разсказѣ объ основаніи Кіева; въ Сказаніи о призваніи Варяговъ слова эти лишни и даже противны предшествующей фразѣ, гдѣ говорится, что «Словенѣ свою *волость* имѣли, а Кривици свою, а Мере свою». Благодаря сдѣланной вставкѣ, составитель свода еще болѣе объединилъ новгородское сказаніе съ предшествующимъ своимъ разсказомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, вставками, сдѣланными лѣтописцемъ-кіевляниномъ, правдоподобно признать тѣ два мѣста, гдѣ говорится о переименованіи сначала Словѣнъ въ Варяговъ, а потомъ Варяговъ и Словѣнъ въ Русь. Признать, что Новгородцы—отъ рода Варяжскаго было естественно для кіевлянина, который въ княжескихъ дружинахъ, двигавшихся съ сѣвера [1]), не всегда могъ различить Словѣнъ отъ Варяговъ, вслѣдствіе взаимнаго сближенія тѣхъ и другихъ, сближенія неизбѣжнаго въ дружинномъ быту. Указаніе же, что мужи Игоревы, послѣ переселенія его въ Кіевъ, прозвались Русью, особенно вѣроятно приписать кіевлянину. Если соображенія эти вѣрны, то возможно, что слова «Новъгородьстіи людие рекомии» въ началѣ Сказанія также вставлены кіевляниномъ, тѣмъ болѣе, что терминъ «Новъгородьстіи людие» находимъ и въ другихъ мѣстахъ Начальнаго свода, написанныхъ, повидимому, кіевляниномъ (см. Коммиссіонный списокъ и Повѣсть временныхъ лѣтъ подъ 970 и 980 гг.).

Отмѣчу, наконецъ, слѣдующее мѣсто въ Начальномъ сводѣ (Коммиссіонномъ спискѣ): «Сь же Игорь нача грады ставити и дани устави Словеномъ и Варягомъ даяти, и Кривичемъ и Мерямъ дань даяти Варягомъ, а отъ Новагорода 300 гривенъ на лѣто». Если предположимъ, что эти слова читались непосредственно за словами: «и бѣша оу него мужи Варязи и Словѣне» (т. е. что «и отътолѣ прозъвашася Русью» — вставка), можемъ

1) Ср. подъ 1015: Ярославъ съ Варягами и Новгородцами идетъ на Святополка; подъ 1018: Ярославъ, совокупивъ Русь и Варягы и Словѣны, идетъ противъ Болеслава и Святополка; подъ 1036: Ярославъ събра вои многы, Варягы и Словѣни, приде Кыеву.

понять ихъ смыслъ такъ, что Игорь уставилъ давать дани въ пользу своей дружины, состоявшей изъ Варяговъ и Словѣнъ (ср. ниже: «и примучи Углѣчѣ, възложи на ня дань, и вдасть Свѣнельду»; еще ниже: «дасть же дань Деревьскую Свѣнелду»; еще ниже: «се далъ еси единому мужеви много»). Итакъ, дани были уставлены въ пользу Варяговъ и Словѣнъ; но дань съ Кривичей, Мери и Новгорода (съ послѣдняго 300 гривенъ) уставлена въ пользу однихъ Варяговъ. Подъ Варягами разумѣются все-таки и здѣсь княжескія дружины, оставленныя, мира дѣля, среди Словѣнъ, Кривичей и Мери. Это очевидно изъ сопоставленія приведеннаго выше извѣстія съ тѣмъ, которое записано въ лѣтописи подъ 1014 годомъ, гдѣ сказано, что двѣ трети дани съ Новгорода шли въ Кіевъ, а одна треть раздавалась въ Новгородѣ княжескимъ дружинникамъ (гридемъ). Сопоставленіе это сдѣлано было и С. М. Соловьевымъ.

VII.

Текстъ различныхъ версій Сказанія.

Предыдущее изслѣдованіе даетъ намъ возможность возстановить первоначальный текстъ Сказанія. Мы приводимъ его по Начальному своду (также въ возстановленномъ видѣ), отмѣчая скобками то, что, по указаннымъ выше соображеніямъ, не читалось въ основномъ, древнѣйшемъ видѣ Сказанія. Вслѣдъ за тѣмъ помѣщаемъ текстъ Сказанія по двумъ редакціямъ Повѣсти временныхъ лѣтъ; сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о текстахъ Сказанія по своду 1421 года, по полихрону и по своду 1448 года, печатаемъ текстъ Новгородской 4-й лѣтописи и, наконецъ, текстъ Коммиссіоннаго списка, положенный въ основаніе всего предыдущаго изслѣдованія.

А. *Начальный Кіевскій сводъ* [1]).

[Въ времена же Кыꙗ и Щека и Хорива Новъгородьстии людие рекомии] Словѣне свою волость имѣша. а Кривичи свою. а Мерѧ свою. [къжьдо своимь родъмь владѣаше]. и дань даꙗхоу Варѧгомъ отъ моужа по бѣлѣ и вѣверици. а иже бѣахоу оу нихъ. то ти насилие дѣꙗхоу Словѣномъ *и Кривичемъ и Мерѧмъ. и въсташа Словѣне и Кривичи и Мерѧ на Варѧгы и изгънаша ꙗ за море. и начаша владѣти сами собѣ и городы ставити. и въсташа сами на сѧ воеватъ. и бысть межи ими рать велика и оусобица. и въсташа градъ на градъ и не бѣаше въ нихъ правьды. и рѣша къ себѣ. кънѧзѧ поищемъ. иже бы владѣлъ нами и рѧдилъ ны по правоу. *и идоша за море къ Варѧгомъ. и рѣша. землѧ наша велика и обильна. а нарѧда оу насъ нѣтоу. да поидѣте къ намъ кънѧжитъ и владѣтъ нами. и избьрашасѧ .г҃. братиꙗ съ роды своими. и поꙗша съ собою дроужиноу мъногоу и предивьноу. и приидоша къ Новоугородоу. и сѣде старѣишии Новѣгородѣ. бѣ имѧ емоу Рюрикъ. а дроугыи сѣде на Бѣлѣозерѣ Синеоусъ. а третиии Изборьстѣ. имѧ емоу Троуворъ. [и отъ тѣхъ Варѧгъ находьникъ тѣхъ прозъвашасѧ *Словѣне *Варѧгы. и соуть Новъгородьстии людие до дьньшьнѧго дьне отъ рода Варѧжьска]. По дъвою же лѣтоу оумьре Синеоусъ и братъ его Троуворъ и приꙗ власть единъ Рюрикъ. обою братоу власть и нача владѣти единъ.....

И сѣде Игорь кънѧжа Кыевѣ. и бѣша оу него моужи Варѧзи и Словѣне [и отътолѣ прозъвашасѧ Роусию]. Сь же Игорь нача грады ставити. и дани оустави Словѣномъ и Варѧгомъ даꙗти. и Кривичемъ и Мерѧмъ дань даꙗти Варѧгомъ. а отъ Новагорода .т҃. гривьнъ на лѣто. мира дѣлѧ. еже и нынѣ дають.

---

1) Возстановляю текстъ по Коммиссіонному и родственнымъ ему спискамъ (см. ниже 3). Правописанію не придаю здѣсь значенія: привожу слова въ той формѣ, въ какой они могутъ встрѣтиться въ памятникахъ XI в. Ввожу однако большія буквы для собственныхъ именъ. Звѣздочкой отмѣчаю тѣ слова, которыя предположительно были въ первоначальномъ текстѣ, но опущены въ Коммиссіонномъ и сходныхъ спискахъ. Въ скобки заключены тѣ слова, которыя, хотя и были въ Начальномъ сводѣ, но не читались, повидимому, въ первоначальномъ текстѣ Сказанія.

Б. *Первая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ* [1]).

Въ лѣто ·ѕ҃·т҃·ѯ҃·ѕ҃· Имахоу дань Карлзи приходяще изъ заморья на Оюди и на Словѣнехъ и на Мерахъ и на Вьси и на Кривичихъ. а Козари имахоу на Полянехъ и на Северѣ и на Вятичихъ. имахоу по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма.

Въ лѣто ·ѕ҃·т҃·ѯ҃·и҃· Въ лѣто ·ѕ҃·т҃·ѯ҃·ѳ҃· Въ лѣто. ѕ҃·т҃·о҃· Изгънаша Варягы за море и не даша имъ дани. и почаша сами собѣ володѣти. и не бѣ въ нихъ правьды. и въсташа родъ на родъ. и быша въ нихъ оусобицѣ. и воевати почаша сами на ся. и рѣша сами себѣ. поищемъ собѣ къняза. иже бы владѣлъ нами и рядилъ по правоу. и идоша за море къ Варягомъ къ Роусь. сице бо ся зъвахоуть ти Карлзи Роусь. яко се дроузии зовоуться Свеи. дроузии же Оурмане Аньгляне дроузии Гъте. тако и си *Роусь. Рѣша Оюдь и Словѣне и Кривичи и Вьсь. земля наша велика и обильна. а наряда въ нем нѣтоу. да пойдѣте къняжить и владѣть нами. и избьрашася .г҃. братиа съ роды своими. и поимша по собѣ вьсю Роусь. и придоша *къ *Новоугородоу. *и *сѣдѣ старѣишии *Новѣгородѣ Рюрикъ. а дроугыи Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третиии Изборьстѣ Троукоръ. и отъ тѣхъ Варягъ прозъвася Роуськая

Строк. 1: приходяще изъ Ип. (ср. приходя Переясл.). Стр. 2: и на Вьси и на Кривичихъ: Ср. Переясл. на Весехъ, на Кривичехъ. Стр. 6: сокѣ изъ Троицк. (въ другихъ и сокѣ). Стр. 7: въсташа изъ Радз., Моск.-Акад. Стр. 9: сокѣ изъ Троицк. (въ другихъ и сокѣ). Стр. 9: и рядилъ изъ Радз., Моск.-Акад., Ип. Стр. 12: Радз. и Моск.-Акад.: рѣша Роуси (въ другихъ Роусь). Стр. 13: и Вьси изъ Радз., Моск.-Акад. (въ другихъ вся). Стр. 14: нѣтоу изъ Хлѣбн. (въ другихъ нѣтъ). Стр. 16: вмѣсто и придоша... Рюрикъ, въ Лавр. и Троицк. и придоша старѣишии Рюрикъ (въ остальныхъ другая редакція, см. В); что предположенное здѣсь чтеніе имѣло мѣсто въ суздальскихъ сводахъ, доказываютъ списки Лѣтописца патр. Никифора (старѣи Рюрикъ сѣдѣ Новегородѣ). Стр. 18: Варягъ изъ Тр., Радз., Моск.-Акад., Ип.

1) Въ основаніе кладу чтенія Лаврентьевскаго списка, но исправляю ихъ по другимъ. Звѣздочкой обозначаю слова, недостающія или испорченныя во всѣхъ спискахъ.

земля. *Новъгородьстии людие соуть отъ рода Варяжьска. преже бо бѣша Словѣне. По дъвою же лѣтоу Синеоусъ оумьре и братъ его Троуворъ. и прия власть Рюрикъ одинъ. и раздая моужемъ своимъ грады овомоу Полотьскъ. овомоу Ростовъ. дроугомоу Бѣлоозеро. и по тѣмъ городомъ соуть находьници Варязи. а пьрвии насельници Новѣгородѣ Словѣне. Полотьстѣ Кривичи. Ростовѣ Меря. Бѣлѣозерѣ Вьсь. Моуромѣ Моурома. и тѣми вьсѣми обладаше Рюрикъ.....

Въ лѣто. ҂ѕ҃.т҃.ч҃... и сѣде Ольгъ кънѧжа Кыевѣ. и рече Ольгъ. се боуди мати градомъ Роусьскымъ. и бѣша оу него Варязи и Словѣне. и прочии прозъвашася Роусию. Сь же Ольгъ пача городы ставити. и оустави дани Словѣномъ. и Кривичемъ. и Мери. и Варягомъ дань даяти отъ Новагорода гривьнъ .т҃. на лѣто. мира дѣля. еже до смьрти Ꙗрославлѣ даяше Варягомъ.

Стр. 19: Новъгородьстии людие соуть во всѣхъ спискахъ испорчено (Лавр. Новугородьци ти суть людье Нооугородьци, Радз. и Моск.-Акад. Новъгородъ тіи суть людье Новгородци, Тр. а Новогородци, Ип. и Хлѣбн. опущено). Стр. 21: одинъ изъ Радз., Моск.-Акад., Ип. Стр. 28—29: быть можетъ, слѣдующее чтеніе Переясл. списка древнѣе приведеннаго нами: и бѣшѧ оу него Варѧзи Словѣни и прочии и прозвашасѧ Русь.

В. *Вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ*[1]).

Отличается отъ первой только въ серединѣ занимающей насъ статьи:

и поѧша по собѣ вьсю Роусь. и приидоша къ Словѣномъ пьрвое. и съроубиша городъ Ладогоу. и сѣде старѣишии Ладозѣ Рюрикъ. а дроугыи Синеоусъ на Бѣлѣозерѣ. а третиии Троуворъ Изборьстѣ. и отъ тѣхъ Варягъ прозъвася Роусьскаѧ земля. По дъвою же лѣтоу. оумьре Синеоусъ и братъ его Троуворъ. и прия Рюрикъ власть вьсю одинъ. и пришьдъ къ Ильмерю и съроуби

Стр. 2: пьрвое изъ Хлѣбн., Радз., Моск.-Акад.

1) Возстановляю текстъ по Ипатьевской, но справляюсь и съ другими. Возникновеніе этой редакціи отношу къ 1118 году (о чемъ сказано выше).

городъ надъ Кълховъмь. и прозъваша и Новъгородъ. и сѣдѣ тоу кънажа. и раздаи моужемъ своимъ волости и городы роукити. окомоу Полотьскъ. окомоу Ростовъ. дроугомоу Кѣлоозеро . . .

Стр. 7: быть можетъ, чтеніе городокъ (Радз., Моск.-Акад.), градокъ (Переясл.) древнѣе чтенія городъ. Стр. 8: роукити изъ Радз. и Моск.-Акад., въ Ип. роукати.

Г. *Новгородскій сводъ 1421 года.*

Текстъ этого свода передавалъ, повидимому, буквально текстъ А, т. е. текстъ Начальнаго Кіевскаго свода.

Д. *Общерусскій лѣтописный сводъ 1423 года (Владимирскій полихронъ).*

Составитель этого свода положилъ въ его основаніе суздальскія редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, но дополнилъ ихъ между прочимъ по нѣкоторымъ хронографическимъ компиляціямъ. Какъ увидимъ ниже, Новгородскій сводъ 1448 года соединилъ чтенія сводовъ 1421 года (Г) и этого свода 1423 года (Д). Слѣдовательно, мы можемъ возстановить чтенія свода 1423 года (Д), исключивъ изъ Новгородскаго свода 1448 года (отразившагося въ Софійской и Новгородской 4-й) все то, что восходитъ къ своду 1421 года (ср. текстъ Г=А). Такимъ путемъ убѣждаемся въ томъ, что текстъ общерусскаго свода 1423 года близко сходствовалъ съ Лаврентьевскимъ и сходными списками. Отличія сводились къ слѣдующимъ: вмѣсто: «по бѣлѣ и вѣверици» — «по бѣлѣ вѣкшици» вмѣсто «иже бы владѣлъ нами и рядилъ по правоу» — «иже бы володѣлъ нами и рядилъ ны и судилъ вправду» («и судилъ» вставлено изъ списка, сходнаго съ Лавр. или Троицк., въ которыхъ вм. рядилъ читается судилъ); вм. «и идоша за море къ Варягомъ» — «При сего Михаила царствѣ послаша за море къ Варягомъ» («При сего Михаила царствѣ» вставлено изъ Лѣтописца патр. Никифора); «иніи Гте» представляетъ чтеніе Хлѣбн. и Ипат. списковъ (въ Лавр. и др.: дроузіи Гъте); послѣ «рѣша» опущено «Руси»; вм. «а наряда въ неи нѣтоу» — «а на-

рядникъ въ ней нѣсть»; послѣ «а Троуворъ Изборьстѣ» прибавлено «и начаша воевати всюду»; послѣ «и прия вьсю власть» прибавлено «въ Руси»; послѣ Бѣлоозеро прибавлено «и прочимъ»; вмѣсто «суть находьници Варязи, а пьрвии насельници»—«суть первіи населници въ Кіевѣ Варязи»; ниже послѣ «градомъ Роуськымъ» вставлено «и обладаше всею Роуською землею».

Е. *Новгородскій сводъ 1448 года.*

Этотъ сводъ составился изъ соединенія общерусскаго митрополичьяго свода (Д) съ Новгородскимъ сводомъ 1421 года (Г). Онъ возстановляется при сравнительномъ изученіи Новгородской 4-й и Софійскихъ лѣтописей, которыя восходятъ именно къ этому своду. Интересующія насъ статьи содержатъ текстъ Д со вставками изъ текста Г. Перечислимъ эти вставки. Въ началѣ послѣ «и на всѣхъ Кривичехъ» прибавлено: «отъ мужа по бѣлѣ вѣверицѣ» (ср. Г=А); вмѣсто «изгънаша Варягы»: «въсташа Кривичи и Словени и Меря и Чюдь на Варягы и изгнаша я» (ср. Г=А); вм. «и почаша сами собѣ володѣти»: «начаша сами собѣ володѣти и городы ставити»; вм. «и быша въ нихъ оусобицѣ»: «и бысть межи ими рать велика и оусобица»; вм. «рѣша сами себѣ»: «рѣша сами къ себѣ»; вм. «и пояша по собѣ вьсю Роусь»: «и пояша съ собою дружину многу»; вм. «и отъ тѣхъ Варягъ прозъвася Роуськая земля»: «а отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ (вм. находникъ тѣхъ, какъ въ Г=А) прозвашася Русь и отъ тѣхъ словеть Русская земля» (слова Русь.... земля не изъ Г=А, а изъ Д съ соотвѣтствующимъ, подъ вліяніемъ замѣны прозъвася словомъ прозвашася, измѣненіемъ); вм. «Новъгородьстіи людие соуть»: «и суть Новгородстіи людие и до днешняго дни»; вм. «и прия всю власть (въ Руси) Рюрикъ одинъ»: «и прия всю власть в Руси Рюрикъ обою брату и нача владѣти единъ». Ниже вм. «и бѣша оу него Варязи и Словѣне»: «и бѣша оу него мужи Варязи Словени».—Кромѣ этого отмѣтимъ чтеніе, внесенное редакторомъ Е не на основаніи Г=А, а на основаніи другихъ соображеній: вмѣсто «и избьрашася г̄ бра-

тиꙗ»: «и избрашася отъ Нѣмецъ г҃ братьи»; вставка «отъ Нѣмецъ» ведетъ насъ къ тексту статьи (новгородскаго происхожденія) «Сице родословятся велицыи князи Русьстии» (ср. эту статью въ приложеніяхъ къ Коммиссіонному списку), гдѣ читаемъ: «первый князь на Русьской земли Рюрикъ, пришедый изъ Нѣмецъ». Въ XV вѣкѣ Нѣмцами называли и Шведовъ, что̀ видно, напр., изъ лѣтописныхъ извѣстій 1496 и 1497 гг. (послалъ князь велики воеводъ своихъ изъ Новагорода.... ратью на Нѣмци, на Свійское государьство, на Гамскую землю; приидоша Нѣмци изъ за моря изъ Стеколна Свѣйского государьства, Соф. 2-я л.).

Ж. *Новгородская 4-я лѣтопись*[1]).

В лѣ ·ѕ҃· т ѯ҃з. Имахоу дань Варѧзи. приходѧщи из заморьꙗ. на Чюди. и на Словенѣ(хъ). и на Мери. и на всѣ Кривицѧ. ѿ моужа по бѣли и вевирици. И Козари имахоу дань. на Полѧнѣ. и на Сѣвѣрѧнехъ и на Ватицѣ. по бѣли. вѣкшици ѿ дыма.

А се начало Роускиⷯ кн҃зеи. ѿ начала кьнѧженьꙗ ихъ скажемъ.

В лѣ ѕ҃. то. Въсташа Кривици. и Словени. и Мѣрѧ. и Чюдь. на Варѧгы. и прогнаша ꙗ за море. и не даша имъ дани. начаша ими сами собѣ кладѣти. и городы ставити. и не бѣ в ниⷯ правды. и въста ро҃ на ро҃. и бы҃ межю ими рать велика. оусобици. и воевати почаша сами на сѧ. и рѣша сами собѣ. поищемъ себѣ кьнѧзѧ. иже бѣ володѣлъ нами. и рѧдилъ ны. и соу҃"лъ в правдоу ·:· І при сего

Стр. 2: Фр. Кривицихъ. Стр. 3: Фр. а Козари. Стр. 5: Фр. кнѧзеи Роускыхъ. Стр. 7: Фр., Голиц., Кар.: изгнаша. Стр. 8: Фр., Голиц., Кар.: ими опущено. Стр. 8: Голиц. собою владѣти. Стр. 8: Кар. грады ставити. Стр. 9: Голиц. городъ на городъ. Стр. 9: Кар. и ѹсобици. Стр. 10: Фр., Голиц., Кар. сами на себе. Стр. 10: Фр., Голиц., Кар. сами к собѣ (себѣ). Стр. 11: Фр., Голиц., Кар. иже бы. Стр. 11: Голиц. и передъ соудилъ опущено; ниже правдѹ вм. в правдѹ, а послѣ этого опущено въ Голиц. и Кар. и.

1) Помѣщаю текстъ Новоросс. списка, а въ варіантахъ привожу чтенія Фроловскаго, Голицынскаго и Карамзинскаго списковъ.

Михаилѣ царⷭ҇твѣ. послаша за море. къ Варягомъ. къ Роуси. сице бо звахꙋ Вѧрѧгы. з Роусью. ꙗ҆ и се дроузии зовоутсѧ Свеи. Оурмане. Англѧне. инии Гте. тако и сии. рѣша. Чюдь. Словѣни. Кривици. Варѧгѡ҆. всѧ землѧ наша. добра и велика есть. и изобилна всѣ҆. а нарѧдникъ в неи нѣ҆. и поидете к на҆ кнѧжи҆. и володѣти нами. И избрашасѧ ѿ Нѣмець. г҃. браты с роды своими. и поꙗша собою дрꙋжинꙋ многꙋ. и пришеⷣ старишинои Рюрикъ. сѣде в Новѣгородѣ а Синеоусъ. бра҆ Рюриковъ. на Бѣлѣѡзерѣ. а Троуворъ. в Ызборьсцѣ. и начаша воевати всюды. И ѿ тѣхъ Варѧгъ. находници҆ прозвашасѧ Роусь и ѿ тѣ҆ словеть Роускаꙗ землѧ. и соуть Новьгороⷣстии лю҆ⷣе. и до днешьнѧго дн҃е. ѿ рода Варѧжьска. преже бо бѣша Сьловени. По двою же лѣтоу. Синеоусъ. и бра҆ его Троуворъ ꙋмре. и прїа всю власть в Роуси Рюрикъ. и обою братꙋ. и нача владѣти единъ. и раздаꙗ грады моужемъ своимъ. овомꙋ да Полтескъ. иномꙋ Ростовъ. иномоу же Бѣлоѡзеро. и проч҆и҆.:. И по тѣмъ градомъ соуть. первии населници. в Кїевѣ Вѧрѧзи. в Новѣгороди Словенѣ. в Польцькѣ Кривици. вь Ростовѣ Мѣрѧ. на Бѣлѣѡзерѣ Весь. в Мꙋромѣ Моурома. и тоже тѣми всими ѡбладающи. Рюрикъ. . . .

И сѣде Ѡлегъ вь Киеви кн҃жа. и реⷱ се боуди мт҃и всѣмъ градомъ. Роускимъ. и ѡбладаша всею землею Роускою. И бѣша оу него моужи Варѧзи. Словени. и ѿтолѣ и прочии прозвашасѧ Роусью. Сии же Олегъ нача ставити грады. и дани оустави. по всеи Роускои земли. Словеномъ. и Кривицамъ. и Мерѧномъ. дань даꙗти Вѧрѧгомъ. А ѿ Новагорода. т҃. гривенъ на лѣто. мира дѣлѧ. еже не дають.

Стр. 12: Фр., Кар.: михаила. Стр. 13: Кар., Голиц. Варѧзи (Варѧгы) Рꙋсью. Стр. 13: Голиц. івеи, Кар. опущено. Стр. 16: Голиц. нарѧдника. Стр. 16: Кар. послѣ нѣтъ опущено и. Стр. 17: Фр. и передъ избрашасѧ опущено. Стр. 18: Фр. старѣишиною, Кар. старѣишіи. Стр. 20: Голиц. а ѿ тѣхъ. Стр. 20: Кар., Голиц., Фр. находницѣхъ. Стр. 21: Кар. словетсѧ. Стр. 23: Фр. быша Словени. Стр. 25: Фр. дасть Полтескъ. Стр. 27: Фр. первіи наслѣдницѣ. Стр. 28: Фр. в Полочкѣ, Кар. в Колочкꙋ. Стр. 29: Фр. ѡбладаше. Стр. 31: Фр. кнѧжа в Киевѣ. Стр. 32: Фр. ѡбладаше. Стр. 33—34: Кар. и ѿтолѣ прозвашасѧ Рꙋсью, Фр., Голиц.: и ѿтолѣ прочіи прозвашасѧ Роусью. Стр. 34: Фр.: городы ставити.

3. *Коммиссіонный списокъ Новгородской 1-й лѣтописи*[1]).

въ времена же Кыева и Щека и Хорива. Новгоро̑стїи людие рекомии Словени. и Кривици и Мерѧ. Словенѣ свою волость имѣли. а Кривици свою. а Мере свою. когожо̑ своимъ родомъ владѧше. *а *Ѵюдь *своимъ *родо̑. и дань даѩхоу Вѧрѧгомъ. ѿ моужа по бѣлѣ. и вѣверици. а иже бѧхоу оу ни̑ то ти насилье дѣѧхоу Словеномъ. Кривичемъ и Мерѧмъ *и *Ѵюди. и въсташа Словенѣ и Кривици и Мерѧ *и *Ѵюдь. на Варѧгы и изгнаша ѧ. за море. и начаша владѣти сами собѣ и городы ставити. и въсташа сами на сѧ воеватъ. и бы̑ межи ими рать велика и оусобица. и въсташа гра̑ на гра̑. и не бѣше в нихъ правды и рѣша к себѣ кнѧѕѧ поищемъ. иже бы владѣлъ нами. и рѧдилъ ны по правоу. идоша за море к Варѧгомъ. и ркоша. землѧ наша велика и ѡбилна. а нарѧда оу на̑ нѣтоу да поидѣте к намъ кнѧжить. и владѣть нами. изъбрашасѧ. г҃. бра̑а с

Стр. 1: Толст. Новгородьчкіи. Стр. 2: Тр. и Толст. вм. мерѧ : мере. Стр. 3: Толст. вм. когождо : кождо. Стр. 3: Тр. вм. владѧше : владѧще. Стр. 4: послѣ родомъ въ Тр. опущено и. Стр. 4: Толст. и Тр. варѧгомъ. Стр. 4: Тр. вм. бѣлѣ : бѣлки. Стр. 5: Толст. вм вѣверици. а иже : вѣнерьци ѧже. Стр. 5: Толст. вм. ти : тїи, въ Тр. опущено. Стр. 7: вм. и изгнаша ѧ, Тр. изгнаша ѧ, Толст. и изгнаша. Стр. 8: Толст. вм. собѣ : себѣ. Стр. 8: Тр. вм. воеватъ : воевать. Стр. 9: Тр. межю има. Стр. 9: Тр. вм. градъ на градъ : городъ на городъ. Стр. 10: Тр. вм. не бѣше в нихъ правды : бѣше въ нихъ неправды. Стр. 10: Тр. вм. рѣша к себѣ : рѣша себѣ; Толст. вм. рѣша к себѣ кнѧзѧ поищемъ : рѣша поищемъ себѣ кнѧзѧ. Стр. 11: Толст. вм. идоша : идоша же. Стр. 11—12: вм. к Варѧгомъ и ркоша, въ Тр : къ Варѧгомъ, а въ Толст.: к Варѧгомъ, глаголюще сице. Стр. 12: Тр. послѣ обилна приб.: и рѣша Варѧгомъ. Стр. 12: вм. нѣтѵ. да поидѣте, въ Толст. и Тр.: нѣсть, да поидите. Стр. 13: вм. кнѧжить и владѣть, Тр.: кнѧжити и владѣти. Стр. 13: вм. изъбрашасѧ г҃ братиа, Тр.: и събрашесѧ ихъ три брата.

---

1) Текстъ издаю по рукописи Археогр. Коммиссіи. Звѣздочками отмѣчены слова, внесенныя, какъ можно думать, по указаннымъ выше соображеніямъ, изъ Новгородской 4-й лѣтописи. Варіанты приводятся по Троицкому списку XV в. (хранится въ Археогр. Коммиссіи) и Толстовскому (пользуюсь выборкой, сдѣланной въ изданіи Новгородской 1-й лѣтописи). Оба списка подверглись вліянію Повѣсти временныхъ лѣтъ и не представляютъ той близости къ своду 1421 года, какъ списокъ Коммиссіонный.

роды своими. и поꙗша со собою дроужиноу многоу. и предивноу. и пріидоша к Новоугородоу. и сѣде старѣишіи в Новѣгородѣ. бѣ имѧ емоу Рюрикъ. а дроугыи сѣде на Бѣлѣѡѕерѣ. Синеоусъ. а третеи въ Изборьскѣ. имѧ емоу Троуворъ. и ѿ тѣ Варѧгъ находникъ тѣхъ прозвашѧ *Роусь. *и *ѿ *тѣ *слове *Роускаѧ *ѕемлѧ. и сѡу Новгородстїи люде до днешнѧго дни. ѿ рода Варѧжьска. по двою же лѣтоу оумре Синеоусъ и бра его Троуворъ. и приѧ власть единъ Рюрикъ. обою братоу власть. и нача владѣти единъ....

и сѣде Игорь кнѧжа в Кыевѣ. и бѣша оу него Варѧзи моужи Словенѣ. и ѿтолѣ прозваша Роусью. Сеи же Игорь нача грады ставити. и дани оустави. Словеномъ и Варѧгомъ даꙗти. и Кривичемъ. и Мерѧмъ. дань даꙗти Варѧгомъ. а ѿ Новагорода. т. гривенъ на лѣто мира дѣлѧ. еже *не дають.

Стр. 14: вм. со собою дружиноу многоу. и предивноу. и пріидоша, Тр.: с собою дроужиноу, многоу и пріиде. Стр. 15—16: вм. бѣ имѧ, Толст.: бѣ бо имѧ. Стр. 16: послѣ Бѣлѣозерѣ Толст. приб.: имѧ. Стр. 21: вм. единъ Рюрикъ обою братоу власть, Толст.: единоу Рюрикъ обою братоу. Стр. 22: вм. Варѧзи моужи Словенѣ, въ Тр. и Толст. моужи Варѧжи (Варѧзи) Словени. Стр. 23: послѣ оттолѣ Тр. и Толст. прибавлено: прочіи. Это же слово прочіи приписано въ Комм. сп. на полѣ съ знакомъ выноса при словѣ Ѿтолѣ. Стр. 23: вм. прозвашасѧ, Толст. назвашасѧ. Стр. 23—25: Тр. грады ставити и оустави и дани Словеномъ и Варѧгомъ даꙗти Кривичемъ и Мерѧмъ дань даꙗти Варѧгомъ. Стр. 25: Толст. Новаграда.

VIII.

Извлекаемыя изъ различныхъ версій Сказанія народныя преданія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ основаніи трехъ древнихъ версій Сказанія лежатъ не выдумки, не ученыя теоріи, а народныя преданія. Правда, преданія эти облечены книжниками въ сложныя сказанія, преслѣдовавшія опредѣленную цѣль — объяснить начало русской земли, правда, они приняли видъ схематической притчи о происхожденіи государства, приспособленной

къ пониманію дѣтей школьнаго возраста (Ключевскій), тѣмъ не менѣе въ этихъ сказаніяхъ, въ этой притчѣ довольно ясно выступаютъ мѣстныя народныя черты, дающія возможность пріурочить возникновеніе ихъ къ опредѣленному мѣсту и времени. Такъ для насъ ясно новгородское происхожденіе древнѣйшей версіи Сказанія: мы выдѣляемъ изъ нея новгородское преданіе о призваніи Варяговъ тремя племенами, Словѣнами, Кривичами и Мерею. Если сопоставимъ съ этимъ преданіемъ то обстоятельство, что Меря и Кривичи были обложены вмѣстѣ съ новгородскими Словѣнами въ пользу Варяговъ данью, которую они уплачивали до самой смерти Ярослава, то получимъ основаніе предполагать, что самое преданіе сложилось подъ вліяніемъ отмѣченнаго факта — связи Словѣнъ, Кривичей и Мери на почвѣ общей дани въ пользу Варяговъ. Быть можетъ, народное преданіе помнило также о прежнемъ владычествѣ Варяговъ въ странахъ, занятыхъ Словѣнами и другими сосѣдними племенами, и объ изгнаніи Варяговъ возставшими противъ нихъ данниками. Все или почти все остальное въ первой версіи сказанія можетъ принадлежать домыслу позднѣйшаго книжника, что мы и думаемъ доказать ниже (гл. X).

Переходя ко второй версіи Сказанія, къ версіи первой редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, отмѣтимъ прежде всего еще бо́льшую книжность и ученость, проявленную ея составителемъ. Мы укажемъ ниже (гл. X), въ чемъ именно сказалась эта ученость, но главное отличіе второй версіи отъ первой невозможно объяснить какими-бы то ни было теоретическими соображеніями составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ. Отличіе это состоитъ въ отожествленіи Варяговъ и Руси. Первая версія говорила о призваніи Варяговъ, вторая о призваніи варяжскаго племени Руси. Сѣверное сказаніе не отожествляетъ Варяговъ съ Русью и въ са̀мой дружинѣ Кіевскаго князя Игоря видитъ только Варяговъ и Словѣнъ; напротивъ, южная передѣлка этого Сказанія (Повѣсть временныхъ лѣтъ составлена несомнѣнно южаниномъ) ведетъ съ сѣвера и Русь, отожествляя ее съ Варягами. Соста-

витель второй, южной версіи руководствовался при этомъ, конечно, мѣстнымъ народнымъ преданіемъ, которое помнило не только объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи княжескаго дома и княжескихъ дружинниковъ, но также объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи самаго имени Русь. «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля», читаемъ мы въ Повѣсти временныхъ лѣтъ.

Третья версія, занесенная во вторую редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ, отличается отъ второй только незначительными съ перваго взгляда подробностями, которыя однако пріобрѣтаютъ для насъ большой интересъ, какъ отголосокъ живого мѣстнаго преданія. По первой и второй версіямъ Рюрикъ, прибывъ изъ-за моря, садится въ Новгородѣ [1]). По третьей—князья братья прежде всего строятъ вмѣстѣ Ладогу и тамъ поселяется старшій братъ, Рюрикъ; по смерти обоихъ своихъ братьевъ, Рюрикъ отправляется къ озеру Ильменю и здѣсь, надъ Волховомъ основываетъ Новгородъ, въ которомъ затѣмъ и садится. Задумываясь надъ тѣмъ, какъ могъ попасть этотъ варіантъ во вторую редакцію Повѣсти временныхъ лѣтъ, составленную несомнѣнно на югѣ, лицомъ близкимъ къ Мономаху [2]), мы припоминаемъ (см. выше гл. IV), что это лицо въ 1114 году посѣтило Новгородскій сѣверъ и было даже въ Ладогѣ, гдѣ слышало изъ устъ посадника Павла и другихъ Ладожанъ рядъ интересныхъ разсказовъ. Среди нихъ могли быть и историческія преданія объ основаніи Ладоги и народныя сказанія, противополагавшія древность забытой Ладоги славѣ Великаго Новагорода. Итакъ, вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ доказываетъ, что ска-

---

1) Основаніе Новгорода первою редакціею Повѣсти временныхъ лѣтъ приписывалось Словѣнамъ; ср. въ космографическомъ введеніи: «Словѣни сѣдоша около езера Илмеря и прозвашася своимъ именемъ и сдѣлаша градъ и нарекоша и Новъгородъ».

2) Бестужеву-Рюмину и другимъ принадлежитъ указаніе на лишнія въ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ спискахъ извѣстія, относящіяся къ Мономаху и къ его семейству.

занія, связанныя съ именами первыхъ варяжскихъ князей, были еще живы въ началѣ XII в.

Подобныя преданія продолжали существовать, быть можетъ, и позже. Не напрасно, повидимому, явилось чтеніе Радзивиловскаго списка «а другии сиде оу на на Белѣозере» (сиде оу насъ вм. Синеоусъ)[1]). Еще важнѣе свидѣтельство одного небольшого лѣтописца XVI в., принадлежавшаго Кирилло-Бѣлозерскому монастырю (хранится теперь въ Археографической Коммиссіи), гдѣ сказано, что Синеусъ сидѣлъ у насъ на Кистемѣ (Кистема — значительный волостной центръ Бѣлоозерья). Отмѣчу еще преданіе, записанное Стрыйковскимъ о томъ, что князь Синеусъ выстроилъ надъ Бѣлымъ озеромъ замокъ и городъ[2]). Укажу, наконецъ, на курганъ близъ Бѣлозерска, съ которымъ еще въ сороковыхъ годахъ связывалась память о царѣ Синеусѣ[3]).

IX.

Смыслъ и происхожденіе отмѣченныхъ выше преданій.

Задаемся вопросомъ, уже получившимъ разнообразные и многочисленные отвѣты: чѣмъ же именно вызваны эти преданія сѣверныя и южныя, соотвѣтствуютъ ли они историческимъ фак-

1) Это чтеніе дало Татищеву основаніе къ предположенію, что лѣтописецъ Несторъ былъ родомъ съ Бѣлаозера.

2) *Kronika Polska* (1582), ks. IV, R. III: «Nad tymże jeziorem (т. е. Białym jeziorem), w które jako sławią, rzek 360 wpada, a jedna tylko Sosna (Шексна) rzeka z niego wychodzi, przerzeczone xiązę Sinaus, zamek swój stołeczny i miasto zbudował.

3) «Здѣсь (подъ встрѣтившимся близъ дороги курганомъ), сударь, говорятъ лежитъ царь Синеусъ — объяснялъ Шевыреву ямщикъ Онисимъ.— Многіе дворяне останавливаются тутъ и прощаются съ нимъ. Какъ-то возилъ я Польскаго священника. Онъ выходилъ и плакалъ: «это, говоритъ, здѣшній нашъ первый царь Синеусъ». С. Шевыревъ, *Поѣздка въ Кирилло-бѣлозерск. монастырь въ 1847 году*, ч. II, с. 60.

тамъ, нѣтъ ли и помимо этихъ преданій, сохраненныхъ нашею лѣтописью, указаній на варяжское происхожденіе русскаго княжескаго дома и на варяжское происхожденіе самаго имени Русь? Кромѣ того, особенное вниманіе обращаемъ и на вновь возникающій вопросъ: почему сѣверное преданіе сообщало о призваніи Варяговъ, а южное объ иноземномъ варяжскомъ происхожденіи Руси?

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ IX, а быть можетъ, уже и въ VIII в. Скандинавы сдѣлали Россію предметомъ своихъ набѣговъ, а также торгово-промышленной эксплуатаціи. Между прочимъ на это указываютъ: 1) торговыя сношенія Скандинавовъ съ Византіей, шедшія по великому пути изъ Варягъ въ Греки и засвидѣтельствованныя найденными въ Скандинавскихъ странахъ монетами византійскаго и арабскаго происхожденія, а также сообщаемыми Константиномъ Багрянороднымъ данными, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаютъ древне-скандинавскія названія днѣпровскихъ пороговъ; во 2) на это указываютъ торговыя сношенія Скандинавовъ съ народами, обитавшими Россію, сношенія оставившія слѣдъ между прочимъ въ находимыхъ въ Россіи монетахъ VIII и IX в. западноевропейскаго, преимущественно англо-саксонскаго происхожденія; въ 3) о томъ же свидѣтельствуютъ торговыя и военныя сношенія между Скандинавіей и странами по ту сторону Балтійскаго моря: о нихъ разсказываютъ древне-норманскія саги и другіе памятники (между прочимъ руническія надписи); въ 4) къ тому же приводятъ свидѣтельства арабскихъ писателей, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ Аль-Бекри, жившій въ XI в. и помѣстившій въ своемъ трудѣ записку еврея Ибрагима, составленную около половины X вѣка; здѣсь мы читаемъ: «племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянъ и до сей поры живутъ среди нихъ, даже усвоили ихъ языкъ, смѣшавшись съ ними»; въ 5) на тѣ же сношенія съ Россіей указываетъ самый характеръ скандинавской жизни VIII и IX в.: начиная съ первыхъ годовъ IX в., имѣемъ рядъ свидѣтельствъ о военныхъ

предпріятіяхъ викинговъ на Западъ, прославившихъ имя Норманновъ и въ значительной степени давшихъ новое направленіе жизни западно-европейскихъ государствъ; въ 6) о томъ же свидѣтельствуетъ позднѣйшая исторія русскаго государства, указывающая на живыя сношенія Новгорода и Кіева съ Варягами, упоминаемыми въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ то въ качествѣ военныхъ наемниковъ, то въ качествѣ осѣдлыхъ жителей Кіева и Новгорода (въ Кіевѣ — Варяги первые христіане; въ XI вѣкѣ кіевское боярство, очевидно варяжское по происхожденію, кичилось родствомъ съ Варягами первыми мучениками; въ Патерикѣ читаемъ о пещерѣ, юже ископаша Варязи; въ XIII в. упоминается Варяжскій островъ на Днѣпрѣ, у Заруба; въ Новгородѣ находимъ Варяжскую улицу, Варяжскую церковь; близъ Новгорода рѣчку Варяжу или Веряжу, и т. д.).

Распространяясь съ цѣлью грабежа и съ цѣлью торговли по Россіи въ IX вѣкѣ, Варяги на югѣ имѣли для мѣстной жизни иное значеніе, чѣмъ на сѣверѣ. И тутъ и тамъ они встрѣтились съ славянскимъ населеніемъ, но условія жизни сѣверныхъ Словѣнъ и Кривичей, а также ближайшихъ ихъ сосѣдей Финновъ, были иныя, чѣмъ тѣ, въ которыхъ обитали Сѣверяне, Поляне, Угличи и другія южныя племена. Вѣковая культура южной Россіи, восходящая ко временамъ первыхъ греческихъ колоній, близость Византіи, сосѣдство съ Хазарами и зависимость отъ этого народа, народа съ развитою гражданственностью — все это давало южной жизни иной укладъ, чѣмъ жизни лѣсистаго и болотистаго сѣвера. Южныя племена, среди которыхъ селились Варяги, имѣли города и волостное устройство, между тѣмъ какъ сѣверные рыболовы и звѣроловы продолжали жить племеннымъ бытомъ, объединяемые общностью языка, нравовъ и общими занятіями. Роль Варяговъ на сѣверѣ сводилась къ собиранію дани съ покоренныхъ ими Славянъ и Финновъ; объ этомъ помнитъ наша лѣтопись: «и дань даяху Варягомъ отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици»; поселившись среди нихъ, Варяги являются въ качествѣ насильниковъ, грабителей: «а иже бяху

у нихъ, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Меряномъ». Оставаясь на поверхности чуждаго имъ племеннаго быта, Варяги не смѣшивались съ мѣстнымъ населеніемъ и не входили въ его жизнь. Совсѣмъ иную роль должны были играть Варяги на югѣ: городская и волостная жизнь предполагаетъ выдѣленіе изъ общей массы населенія такихъ элементовъ, которые при племенномъ бытѣ не могутъ выдвинуться съ достаточною опредѣленностью; воины и купцы, необходимые одни для защиты отъ внѣшнихъ враговъ, другіе для внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ сношеній, рѣшительнымъ образомъ нарушаютъ древній племенной укладъ, тѣмъ болѣе, что, по самому характеру своихъ занятій, они охотно пополняютъ свои ряды пришлыми, иноземными элементами. Въ Кіевѣ, Туровѣ и другихъ южныхъ городахъ Варяги появляются не въ качествѣ данщиковъ и насильниковъ, а въ качествѣ дружинниковъ и торговцевъ, захватывающихъ въ свои руки власть. Такъ позже, въ 980 году Варяги, нанятые Владимиромъ для борьбы съ Ярополкомъ и приглашенные имъ изъ-за моря чуть было не захватили взятаго при помощи ихъ Кіева, объявивъ его своимъ городомъ. Такъ, вѣроятно, произошло гораздо раньше утвержденіе въ Кіевѣ Аскольда и Дира, освободившихъ Полянъ отъ платежа дани Хазарамъ.

Различіе ролей, въ которыхъ выступаютъ Варяги на сѣверѣ и на югѣ, даетъ объясненіе между прочимъ и различной судьбѣ имени Русь, подъ которымъ Варяги были извѣстны Финнамъ и Славянамъ, — на сѣверѣ и югѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ имени. Еще въ XVIII в. Тунманнъ связалъ его съ финскимъ названіемъ для Швеціи Ruotsi. Названіе это можно признать общимъ для всѣхъ западно-финскихъ нарѣчій: ср. эстонск. Rôts, на языкѣ Води (близъ Нарвы) Rôtsi, ливск. Rúotsi. Шведовъ финны называютъ Ruotsalainen, эстонцы Rôtslane, Водь Rôtsalainê, ливы Rúotsli. Форма Русь, какъ замѣтилъ и Томсенъ, такъ относится къ Ruotsi, какъ древнерусское Сумь (встрѣчающееся въ лѣтописныхъ

статьяхъ XIII в. Синод. и др. списковъ Новгор. 1-й) къ финскому Suomi. Мнѣ кажется, что элементарныя методологическія соображенія не позволяютъ отдѣлить современное финское Ruotsi отъ имени Русь. Съ одной стороны, ясно, что Варяговъ, т. е. Скандинавовъ, дѣйствительно на востокѣ называли Русь, Rōs: ср. у Леонтія, продолжателя Θеофана, и у продолжателя Амартола, въ описаніи нападенія Руссовъ въ 941 году: *οἱ Ῥῶς οἱ ἐκ τοῦ γένους τῶν Φράγγων ὄντες*, гдѣ Φράγγων, конечно, вм. Βαράγγων, ср. древне-болгарскій переводъ конца X или начала XI в.: «Роусь . . . отъ рода Варяжьска соуще»; ср. указаніе Бертинскихъ анналовъ на то, что появившіеся въ Константинополѣ въ 839 году люди, сами себя называвшіе *Ros*, оказались, по должномъ разслѣдованіи, шведскаго происхожденія (eos gentis esse Sueonum); писатель X в. Ліудпрандъ дважды отожествляетъ Руссовъ (Rusii) съ Норманнами (Nordmanni); Константинъ Багрянородный противополагаетъ Руси (Ῥῶς) Славянъ (Кривичей, Лучанъ и др.), а приводя названія Днѣпровскихъ пороговъ, подъ *ῥωσιστί* разумѣетъ древне-сѣверскій, древне-скандинавскій языкъ, какъ видно изъ самыхъ этихъ названій; арабскіе писатели, напр. Ибнъ-Дастъ, также противополагаютъ Русь (Rūs) славянамъ. Съ другой стороны, видимъ, что страна Варяговъ, т. е. Швеція, называется Русь (Ruotsi) Финнами до сихъ поръ. Въ виду этого, не можетъ быть, какъ кажется, никакого сомнѣнія въ тожествѣ имени Русь, даннаго Варягами Славянамъ, и именемъ Ruotsi, обозначающимъ у Финновъ страну этихъ самыхъ Варяговъ. Насъ можетъ не интересовать этимологія имени Русь; этимологія этого имени, какова бы она ни была, не можетъ поколебать того положенія, что Финны и Славяне назвали Скандинавовъ Русью. Укажу на вѣроятность заимствованія славянами этого имени для обозначенія Варяговъ именно отъ Финновъ. Финны были тою посредствующею средой, черезъ которую Варяги проникали къ Славянамъ. Вспомнимъ, что берега Балтійскаго—Варяжскаго моря были заселены финскими племенами; по Невѣ сидѣла Водь, занимавшая и южный берегъ Финскаго залива, а на устьяхъ

Двины и по берегу Рижскаго залива сидѣли Зимѣгола, Летьгола и Либь. Вспомнимъ, что даже рѣчной путь изъ Варягъ въ Греки пролегалъ на сѣверѣ черезъ финскія страны, лишь частью заселенныя Славянами, врѣзавшимися клиномъ, сначала, повидимому, весьма узкимъ въ сплошное финское населеніе, которое тянулось отъ береговъ Балтійскаго моря до Волги и далѣе къ востоку. Славяне заимствовали у Финновъ имя Русь для обозначенія Варяговъ такъ же, какъ они заимствовали у нихъ же названія для рѣкъ и озеръ заселенной ими исконно-финской страны. Это же имя Русь для обозначенія Варяговъ передано Словѣнами и Кривичами также и южнымъ славянскимъ племенамъ Россіи, передано такъ же, какъ передаются вообще заимствованныя слова, при чемъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что Варяги въ своемъ движеніи на югъ могли и даже должны были увлекать съ собою полчища славянъ и финновъ. Южный лѣтописецъ, составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, сохранилъ указаніе на то, что и позже сѣверные Славяне и Финны участвовали въ войскахъ кіевскихъ князей, въ ихъ походахъ на Грековъ: такъ въ Олеговомъ войскѣ подъ 907 названы между прочимъ: Словѣне, Кривичи, Чудь и Меря; въ своемъ движеніи на югъ изъ Новгорода тотъ же Олегъ ведетъ съ собой, кромѣ Варяговъ, Словѣнъ и Кривичей, также и Чудь, и Мерю, и Весь. Конечно, придавать особенное значеніе этимъ указаніямъ лѣтописца нельзя, но не являются ли они воспоминаніями о сборномъ характерѣ княжескихъ дружинъ, составлявшихся между прочимъ изъ инородческихъ, въ частности финскихъ элементовъ? Ср. подъ 988 годомъ сообщеніе о томъ, что Владиміръ нарубалъ мужѣ лучьшиѣ для заселенія южныхъ городовъ между прочимъ отъ Словѣнъ, Кривичей и отъ Чуди; ср. также имя одного изъ бояръ Изяслава Ярославича Чудинъ, который, вмѣстѣ съ братомъ его Тукы, могъ быть финскимъ выходцемъ; въ Русской Правдѣ Иванкомъ Чюдиновичемъ названъ Олеговъ (черниговскій?) бояринъ.

Я упоминалъ о различной судьбѣ имени Русь на сѣверѣ и

югѣ и ставилъ ее въ связь съ различіемъ ролей варяжскихъ элементовъ сѣвера и юга. На сѣверѣ, гдѣ Варяги являлись съ характеромъ данщиковъ и насильниковъ, гдѣ племенной бытъ славянъ и финновъ не давалъ имъ случая и возможности выступить въ качествѣ активной государственной силы, имя Русь оставалось этнографическимъ обозначеніемъ Варяговъ. Оно не распространялось на покоренныя Варягами племена и области и исчезло поэтому вмѣстѣ съ изгнаніемъ Варяговъ, оставивъ, быть можетъ, слѣды въ нѣкоторыхъ топографическихъ названіяхъ, издревле привлекавшихъ на себя вниманіе словотолкователей (рѣчка Руса, городъ Руса и т. п.). На югѣ появленіе Варяговъ въ городахъ мѣняетъ весь строй жизни этихъ городовъ и тянувшихъ къ нимъ волостей: города возвышаются до значенія политическихъ центровъ, въ нихъ скапливаются значительныя военныя силы, которыя при первой возможности устремляются сначала на сосѣдей, а потомъ и къ болѣе далекимъ цѣлямъ, для грабежа и наживы. Главнымъ поприщемъ дѣятельности Варяговъ, поселившихся на югѣ, является,такъ же какъ въ покинутой ими родинѣ, море: они быстро становятся хозяевами на Черномъ морѣ, которое получаетъ отъ окрестныхъ жителей имя Русскаго, подобно тому какъ Балтійское море было названо славянами моремъ Варяжскимъ. Племенной бытъ Полянъ и Сѣверянъ, значительно пошатнувшійся благодаря общимъ условіямъ жизни Южной Россіи, блекнетъ совсѣмъ, теряетъ всякую устойчивость подъ напоромъ новыхъ началъ, вызванныхъ къ жизни Варяго-Руссами; племенные интересы отходятъ на задній планъ, давая мѣсто интересамъ политическимъ, государственнымъ. На берегахъ Днѣпра закладываются основанія для славянскаго государства: элементы для созданія здѣсь государства были давно на лицо; ихъ подготовилъ, какъ мы говорили, городской бытъ, развившійся подъ вліяніемъ Византіи и ея крымскихъ колоній, подготовила вѣковая цивилизація, издавна осѣдавшая на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря: сначала иранцы, потомъ греки, позже римляне, наконецъ готы, а въ послѣднее время самое

культурное изъ тюркскихъ племенъ — хазары являлись носителями высшихъ формъ быта, какъ будто противополагая ихъ всесокрушающему потоку дикихъ варваровъ, искони вѣковъ проходившихъ черезъ Южную Россію. Недоставало только силы, которая соединила бы и оживила всѣ эти элементы культуры и цивилизаціи. Сила эта явилась въ лицѣ Руси, именемъ которой назвались и созданное ими государство и покоренныя ими племена. Вотъ почему имени Русь не пришлось исчезнуть на югѣ, какъ оно исчезло на сѣверѣ: напротивъ, оно распространяется, охватывая собой всѣ области, племена и народы, которыя объединяются сначала въ политическое тѣло, а впослѣдствіи, по принятіи христіанства, и въ духовно-религіозное. Ростъ русскаго государства шелъ медленно, встрѣчаясь съ неисчислимыми препятствіями: не скоро еще имя Руси перенесется на верховья Оки и Волги, и долго подъ Русью разумѣется одна только южная или юго-западная Россія.

Начало русскаго государства можетъ быть опредѣлено первою половиной IX вѣка. Указаніе на это именно время находимъ въ византійскомъ свидѣтельствѣ о нападеніи Руси на Царьградъ, случившееся въ 860 году. Не подлежитъ сомнѣнію, что смѣлый походъ русской дружины подъ стѣны Константинополя доказываетъ существованіе политической организаціи на сѣверѣ отъ Чернаго моря; не подлежитъ также сомнѣнію, что именно только около этого времени Русь, разумѣя подъ этимъ именемъ созданное Варяго-Руссами государство, выступаетъ въ дѣятельной исторической роли, такъ какъ до этого о народѣ Ῥῶς греки, ихъ ближайшіе сосѣди, имѣли лишь смутное понятіе, что̀ такъ очевидно доказывается инцидентомъ 839 года съ прибывшими въ Царьградъ русскими послами.

Политическая организація южныхъ племенъ быстро отразилась на жизни сосѣдей: съ одной стороны, центръ этой организаціи, Кіевъ сталъ угрожать имъ насильственнымъ присоединеніемъ, покореніемъ (вспомнимъ кіевское преданіе о войнахъ Аскольда и Дира съ Угличами и Древлянами); съ другой сто-

роны, этотъ центръ естественно сталъ притягивать къ себѣ тѣ элементы, которые въ сосѣднихъ племенахъ не находили себѣ выхода, благодаря отсутствію или неустойчивости политическаго быта: въ Кіевъ тянутся лучшіе мужи отъ Вятичей, Сѣверянъ, даже Кривичей и Чуди — мы видимъ это во времена Олега, Святослава, Владиміра; то же было, конечно, и раньше. Эти мужи усиливаютъ собой княжескую дружину и утрачивая свою племенную обособленность, становятся прежде всего русскими, т. е. зародышемъ той новой народности, которая создала, а затѣмъ укрѣпила и расширила Русское государство [1]).

Въ связи съ указанными явленіями, начинается броженіе среди славянскаго міра всей Россіи; оно достигаетъ и отдаленныхъ предѣловъ, занятыхъ ближайшими сосѣдями славянъ — Мерею и Весью. Лучшіе мужи, ушедшіе въ Кіевъ, примкнувшіе къ княжеской дружинѣ, не теряютъ связи съ родиной. Сами они, вернувшись на покой, ихъ родственники, ихъ домочадцы служатъ проводниками новыхъ идей, новыхъ началъ, осуществленныхъ съ успѣхомъ на югѣ. Броженіе Словѣнъ, Кривичей и Мери имѣетъ первымъ слѣдствіемъ сверженіе варяжскаго ига: «и въсташа Словенѣ и Кривици и Меря на Варягы и изгнаша я за море». Вторымъ слѣдствіемъ было появленіе политической организаціи, сказавшейся въ образованіи волостныхъ центровъ; быть можетъ, именно объ этомъ хочетъ сказать новгородскій бытописатель, когда, вслѣдъ за извѣстіемъ объ изгнаніи Варяговъ, сообщаетъ: «и начаша владѣти сами собѣ и городы ставити» [2]). Такимъ образомъ на сѣверѣ создавались условія, аналогичныя съ тѣми, которыя мы видѣли раньше на югѣ: племенной бытъ уступилъ мѣсто быту волостному; на мѣсто

1) Только въ этомъ смыслѣ можно, вслѣдъ за Ключевскимъ (*Курсъ Русской исторіи*, ч. I, 244), назвать Кіевскую Русь колыбелью русской народности.

2) Лѣтопись отмѣчаетъ постройку городовъ и въ другіе историческіе моменты. Игорь (по Повѣсти временныхъ лѣтъ Олегъ), сѣвши въ Кіевѣ, нача грады ставити. Владиміръ нача ставити городы по Деснѣ и по Востри и по Трубежю и по Сулѣ и по Стугнѣ.

племени выступаетъ городъ. Городъ является средоточіемъ военной силы: сила стремится къ господству; начинаются столкновенія между городами: «И въсташа сами на ся воеватъ—продолжаетъ лѣтописецъ — и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа градъ на градъ»[1]). Такъ гласитъ древняя запись; и только позже вм. «градъ на градъ» явилось въ южномъ сводѣ, въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, «родъ на родъ». Конечно, начавшаяся борьба кончилась бы политическимъ объединеніемъ и верховенствомъ одного города надъ другими; но на дѣйствительный исходъ борьбы оказали вліяніе еще другія обстоятельства.

Югъ Россіи, только что организовавшійся въ государство, не могъ оставаться равнодушнымъ къ политическому росту сѣвера. Торговыя сношенія Варяговъ съ Византіей, на которыхъ основывалось значеніе Кіева, требовали сосредоточенія всего торговаго пути изъ Варягъ въ Греки въ однѣхъ рукахъ; послѣдующая исторія доказала неизбѣжность того общаго начала, по которому тотъ, кто владѣлъ Кіевомъ, долженъ былъ держать и Новгородъ (Бестужевъ-Рюминъ). Можно думать, что южно-русское государство должно было съ тревогой прислушиваться къ сообщеніямъ о новыхъ порядкахъ, завязывавшихся у начала водная пути, порядкахъ не замедлившихъ, конечно, отразиться и на торговыхъ интересахъ Кіева; можно съ вѣроятностью думать, что кіевскій князь, оправившись отъ морского пораженія у Константинополя, пожелалъ положить конецъ политической самостоятельности Ильменскихъ Словѣнъ и Кривичей. Допустивъ предположеніе о надвигавшейся съ юга опасности, мы поймемъ дальнѣйшія событія, разыгравшіяся на сѣверѣ. Послѣдующая исторія сохранила извѣстія, относящіяся къ нѣсколькимъ аналогичнымъ второй половинѣ IX ст. моментамъ, когда Новгороду грозило столкновеніе съ кіевскимъ княземъ. Новгородъ, въ лицѣ сидѣвшихъ въ

1) Отсюда видно, что подъ городомъ разумѣется именно волостной центръ, а не просто укрѣпленіе.

немъ князей, обращался тогда за помощью къ Варягамъ: такъ Владиміръ, испугавшись завоевательныхъ стремленій Ярополка, бѣжитъ за море къ Варягамъ и приводитъ оттуда вспомогательныя дружины; такъ Ярославъ, узнавъ о приготовленіяхъ отца, рѣшившагося добывать непокорный Новгородъ, когда онъ отказался отъ дани, посылаетъ за море къ Варягамъ и приводитъ оттуда не одну тысячу воиновъ; то же повторяется позже, при извѣстіи о вокняженіи Святополка и избіеніи имъ братьевъ, и еще позже, во время борьбы Ярослава съ Мстиславомъ. Точно также въ IX вѣкѣ опасность нападенія съ юга объединила сѣверныя племена Словѣнъ, Кривичей и Мерю въ военный союзъ и заставила ихъ послать за море къ Варягамъ. Послѣдніе появляются теперь на сѣверѣ уже не въ качествѣ данщиковъ и насильниковъ, а въ качествѣ наемной дружины, военной силы, призванной для защиты сѣверныхъ племенъ отъ южно-русскаго государства. Доказательство того, что Варяги явились въ Новгородѣ въ качествѣ наемниковъ, я вижу въ неоднократно уже упомянутой мною дани, наложенной въ пользу Варяговъ Игоремъ: эта дань была, въ началѣ, просто выговоренною Варягами платой.

Роль Варяговъ на сѣверѣ стала аналогичной роли Варяго-Руссовъ на югѣ, благодаря наличности новыхъ условій политической жизни. И результаты дѣятельности этихъ живыхъ и необходимыхъ для городской и волостной организаціи элементовъ были аналогичны результатамъ дѣятельности Варяго-Руссовъ на югѣ. Варяги кладутъ основанія прочной политической организаціи на сѣверѣ, прекративъ междоусобицы и соревнованіе городовъ, объединенныхъ верховенствомъ Новгорода. Столкновеніе южнаго государства, созданнаго Варяго-Руссами, и сѣвернаго, созданнаго Варягами, становится неизбѣжнымъ. Лѣтопись сохранила воспоминаніе о конечныхъ эпизодахъ борьбы, быть можетъ, кровавой и продолжительной. Побѣды сѣвернаго князя объединяютъ сѣверъ и югъ Россіи въ однѣхъ рукахъ.

Историческія событія IX вѣка должны были запечатлѣться живыми и сильными чертами въ памяти народной. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, въ XI и XII в., когда явились первые наши историческіе памятники, преданія о началѣ славянорусскаго государства были живы и на сѣверѣ и на югѣ.

На югѣ помнили, что имя Русь обозначало сначала Варяговъ. Русь проникла на югъ незамѣтно и укрѣпилась здѣсь путемъ почти мирнаго завоеванія. Этому соотвѣтствуетъ идиллическое преданіе о томъ, какъ вокняжились въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ. Но прямымъ послѣдствіемъ водворенія Руси на югѣ была борьба новыхъ политическихъ организацій съ окружавшими ихъ сосѣдями: преданіе помнитъ о войнахъ Аскольда и Дира съ Угличами и Древлянами. Появленіе варяжскаго государства на сѣверѣ, въ Новгородѣ, ведетъ за собой борьбу Кіевскаго княжества съ сѣвернымъ союзомъ изъ-за обладанія воднымъ путемъ. Вѣрное своему взгляду на варяжское происхожденіе Руси, кіевское преданіе видитъ въ этой борьбѣ домашній споръ варяжскихъ выходцевъ. Смутно припоминая кровавые эпизоды этой борьбы, оно отчетливо знаетъ, какіе были конечные ея результаты: объединеніе славянскихъ племенъ подъ властью кіевскаго князя.

На сѣверѣ имя Руси скоро было забыто послѣ изгнанія ея въ серединѣ IX вѣка возставшими славянскими племенами. Съ именемъ Руси стало соединяться представленіе о южной Россіи, гдѣ такъ прочно утвердились Варяго-Руссы. Скандинавскихъ же выходцевъ, появлявшихся вновь изъ-за моря, на сѣверѣ, какъ и на югѣ называли только Варягами. Сѣверное преданіе помнило въ XI вѣкѣ, какъ эти Варяги приходили въ области Словѣнъ и ихъ сосѣдей не въ качествѣ наемниковъ, княжеской дружины, а въ качествѣ данщиковъ; помнило даже приблизительно размѣры дани, возложенной ими на мирныхъ звѣроловъ. Насилія и тяжесть ига Варяговъ вызвали возстаніе Словѣнъ и другихъ племенъ, изгнавшихъ иноземцевъ: память объ этомъ возстаніи сохранилась преданіемъ, которое не забыло

и того, что непосредственно за сверженіемъ ига началась новая политическая жизнь на сѣверѣ. Смутно помнило преданіе о возникшихъ среди сѣверныхъ племенъ междоусобицахъ: города стали враждовать между собою. Отчетливо припоминаетъ преданіе только появленіе среди этихъ племенъ княжеской власти, объединившей разрозненныя области. Представитель этой власти, новгородскій князь былъ Варягомъ, его дружина состояла также изъ Варяговъ. Народное преданіе сохранило память о нѣсколькихъ варяжскихъ князьяхъ: имена Рюрика, Синеуса, Трувора, Олега, Игоря упоминались въ разныхъ сказаніяхъ, быть можетъ, и историческихъ пѣсняхъ. Съ именами Игоря и Олега связаны были въ этихъ преданіяхъ, сказаніяхъ и пѣсняхъ нѣкоторыя опредѣленныя событія: Игорь уставилъ дани въ пользу своей дружины, обложивъ новгородскихъ Словѣнъ, Кривичей и Мерю особою данью въ пользу Варяговъ. Олегъ воевалъ съ Греками: въ его войскахъ были и Словѣне новгородскіе; походъ его на Царьградъ передавался со сказочными подробностями; Греки были обложены данью; вѣщій князь вернулся въ Новгородъ; имя его связано и съ Ладогой; о немъ разсказывали, что онъ умеръ отъ укуса змѣи и показывали его могилу въ Ладогѣ. О Синеусѣ вспоминали мѣстныя бѣлозерскія преданія.

X.

Литературныя обработки преданій о призваніи Варяговъ.

I. Въ первой половинѣ XI вѣка, какъ мы указывали, возникла въ Новгородѣ запись о древнѣйшихъ событіяхъ, связанныхъ съ исторіей Новгорода и Руси. Въ основаніе записи положены народное преданіе, а также нѣкоторыя сказанія, а быть можетъ, и историческія пѣсни. Трудно было составителю записи помирить въ одномъ согласномъ цѣломъ все то, что сохранилось въ народной

памяти и появилось въ народной фантазіи. Пришлось прибѣгнуть къ сочинительству, къ произвольной группировкѣ лицъ и событій. Запись начиналась съ того времени, какъ Словѣне, Кривичи и Меря жили подъ игомъ Варяговъ, платя имъ дань. О владычествѣ Варяговъ на сѣверѣ помнило народное преданіе, быть можетъ, не забывшее въ XI в. и размѣра дани («отъ мужа по бѣлѣ и вѣверици»). Что Варяги угнетали не однихъ Словѣнъ, но также Кривичей и Мерю, составитель записи заключалъ изъ того, что въ его время «варяжская дань» (правда, уже иного происхожденія), взималась именно со Словѣнъ, Кривичей и Мери[1]). Но Варяги, говоритъ запись, не довольствовались данью съ названныхъ племенъ: «а иже бяху у нихъ, то ти насилье дѣяху». Очевидно, автору записи припомнились и позднѣйшія обстоятельства, при которыхъ Варяги выступали насильниками. Такъ въ 1015 году «Ярославъ кормяше Варягъ много (въ Новгородѣ), бояся рати; и начаша Варязи насіліе дѣяти на мужатыхъ женахъ» (или по другой записи: «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ»). Слѣдуя преданію, составитель записи передалъ объ изгнаніи Варяговъ за море и о появленіи самостоятельныхъ народоправствъ среди изгнавшихъ ихъ племенъ. Для этого пришлось сказать о постройкѣ городовъ. Но преданіе не давало основанія говорить о мирномъ сожительствѣ этихъ городовъ: оно, напротивъ, помнило взаимную вражду между городами, перенося отчасти въ эпохи отдаленныя тѣ впечатлѣнія, которыя вызывались современною дѣйствительностью, при которой вспыхивали нерѣдко споры городовъ съ пригородами или съ другими городами. «И въсташа градъ на градъ» — продолжаетъ запись. «И бысть межи ими рать велика и усобица .... и не бѣша в нихъ правды» — вотъ заключалъ авторъ записи причина появленія у нихъ князя. Безъ князя плохо живется Новгороду — это

1) Земля Мери (Ростовъ) была, повидимому, покорена или колонизована Словѣнами; ср. названіе «Словѣнская земля» для Суздальской области, напр. въ Новгор. 4-й, въ концѣ 990 г. (въ Соф. 1-й вм. Словѣнскую — Смоленьскую).

знали и понимали новгородцы и въ X и въ XI вѣкѣ: уйди онъ, его посадники и гриди, и встанетъ одинъ конецъ противъ другого, одна сторона пойдетъ на другую. Новгороду необходимъ князь, который владѣлъ бы и рядилъ бы «по праву»[1]). Такъ же, — разсуждалъ авторъ записи, — думали въ Словѣнахъ, Кривичахъ и Меряхъ, послѣ возникшихъ среди нихъ усобицъ, когда не стало въ нихъ правды. И подобно тому, какъ въ 970 году людие Новгородьстіи ходили въ Кіевъ просить у Святослава князя себѣ, грозя, въ случаѣ отказа, найти его на сторонѣ, такъ же, по представленію новгородца, автора записи, искали себѣ князя въ IX в. Словѣне, Кривичи и Меря. Они въ его разсказѣ посылаютъ за княземъ къ *Варягамъ*, ибо какъ объяснить иначе фактъ появленія въ Новгородѣ варяжскаго князя и варяжскихъ дружинъ. Сообразно съ числомъ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи, и областей, заинтересованныхъ въ водвореніи порядка, князей требовалось трое. Но эти князья были изъ одной семьи, они были братьями, такъ какъ иначе не объяснить, почему впослѣдствіи и Словѣне и Кривичи и Меря оказались подъ властью одного князя. Автору записи пришлось назвать князей-братьевъ по имени. Сказанія народныя содержали нѣсколько именъ варяжскихъ князей. Въ Ладогѣ разсказывали о Рюрикѣ (ср. сказанное выше относительно третьей версіи Сказанія) и объ Олегѣ (ср. Ольгову могилу близъ Ладоги), на Бѣлѣозерѣ вспоминали Синеуса (ср. упомянутое выше преданіе, записанное въ XVI в., о томъ, что Синеусъ сидѣлъ на Кистемѣ); другія пѣсни и сказанія разсказывали о Труворѣ и, конечно, еще объ иныхъ варяжскихъ витязяхъ и князьяхъ. Пусть, — рѣшаетъ авторъ записи, — Рюрикъ,

1) Слова «по праву» переносятъ насъ, быть можетъ, именно ко временамъ Ярослава, который далъ новгородцамъ, по свидѣтельству лѣтописей, «правду и уставъ» (Соф. 1-я и Новгор. 4-я подъ 1019; Новгор. 1-я Комм. подъ 1016). Ср. еще указаніе лѣтописей о томъ, что Ярославъ далъ новгородцамъ грамоту, опредѣлявшую размѣръ и порядокъ взиманія дани (Соф. 1-я и Новгор. 4-я подъ 1034).

Синеусъ и Труворъ будутъ тѣми князьями-братьями, которые совершенно естественно должны были возникнуть въ его представленіи. Ему надо еще указать, гдѣ каждый изъ братьевъ поселился: старшему подобало, разумѣется, сѣсть въ Новгородѣ, важномъ административномъ центрѣ въ XI в., мѣстопребываніи князей и княжескихъ посадниковъ; другой братъ долженъ былъ основаться въ Изборскѣ, главномъ городѣ той вѣтви Кривичей, которая тянула къ Новгороду; третьему надлежало отправиться въ область Мери. Выдержать однако программу до конца помѣшало автору записи то обстоятельство, что имя Синеуса народныя сказанія настойчиво связывали съ Бѣлоозеромъ. Рюрика, признаннаго старшимъ братомъ, пришлось поселить въ Новгородѣ, Трувора въ Изборскѣ, а Синеуса не въ далекомъ Ростовѣ, городѣ Мери, а на Бѣлоозерѣ. Дальнѣйшее объединеніе Словѣнъ, Кривичей и Мери (а ихъ объединяла между прочимъ общая дань, уставленная съ нихъ Игоремъ) объясняется авторомъ записи смертью Синеуса и Трувора: согласно родовымъ отношеніямъ позднѣйшихъ Рюриковичей, области ихъ переходятъ къ Рюрику, князю новгородскому. «По двою же лѣту умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и прия власть единъ Рюрикъ, обою брату власть, и нача владѣти единъ». Ср. лѣтописную статью 1036 года, повѣствующую о смерти Мстислава, брата Ярослава: «и по семь же прия всю власть Ярославъ и бысть самовластець Русьстѣй земли». — Автору записи предстоитъ затѣмъ другая, трудная задача: послѣдующія событія, тѣсно связавшія Новгородъ съ Кіевомъ, приписывались народными сказаніями и пѣснями то Игорю, то Олегу. Кто эти князья, въ какихъ они между собою отношеніяхъ? Какъ, наконецъ, связать ихъ съ Рюрикомъ? Авторъ записи, повидимому, не отвѣтилъ на эти вопросы; онъ разсказывалъ объ Олегѣ по поводу его похода на Царьградъ, какъ о самостоятельномъ князѣ, разсказалъ также отдѣльно объ Игорѣ. Быть можетъ, объ Олегѣ разсказывалось имъ раньше, чѣмъ объ Игорѣ, но утвержденіе въ Кіевѣ и уставленіе дани съ Новгорода, съ Кривичей и Мери

въ пользу Варяговъ приписано Игорю. Въ Игоревой дружинѣ были Варяги и Словѣне: въ пользу ихъ обложены Игоремъ данью другія племена.

II. Вѣроятно, въ серединѣ XI вѣка произошло соединеніе, въ Древнѣйшемъ Кіевскомъ сводѣ, предшествовавшемъ непосредственно Начальному своду новгородской записи, которую мы только что разсмотрѣли, съ южными преданіями. Кіевскій сводъ начинался, повидимому, съ разсказа объ основаніи Кіева, повѣствовалъ о дани хазарской, наложенной на Полянъ, о появленіи въ Кіевѣ Аскольда и Дира и затѣмъ довольно точно передавалъ Новгородское сказаніе о призваніи Варяговъ. Но послѣ этого южный лѣтописецъ переходилъ опять къ мѣстнымъ кіевскимъ преданіямъ, а именно къ разсказу о завладѣніи Кіевомъ сѣвернымъ княземъ и объ убіеніи Аскольда и Дира. Ему нужно прежде всего точнѣе опредѣлить личность этого сѣвернаго князя: согласно съ записью новгородскою, онъ признаетъ въ этомъ князѣ Игоря; опредѣляя же отношенія Игоря къ Рюрику, съ одной стороны, къ Олегу, съ другой, онъ считаетъ Игоря сыномъ Рюрика, а Олега Игоревымъ воеводой. Сравните въ дальнѣйшемъ изложеніи лѣтописца указанія имени воеводы при имени князя: «Игорь же сѣдяше в Киевѣ княжа... и бѣ у него воевода, именемъ Свѣнделдъ»; «а Ярополкъ же княжа в Киевѣ, и воевода бѣ у него Блудъ». Сообразно съ этимъ въ разсказъ объ Олеговомъ походѣ на Грековъ вносятся, послѣ фразы «пріиде Олегъ къ Кыеву», слова «и ко Игорю»; сообразно же съ этимъ Олеговъ походъ излагается какъ эпизодъ въ княженіи Игоря.

Впрочемъ, сказаніе о призваніи Варяговъ вводится редакторомъ Древнѣйшаго свода помѣщенными въ началѣ словами «Въ времена же Кыя и Щека и Хорива Новъгородьстии людие рекомии»,—словами, которыхъ не было, конечно, въ первоначальной записи. Въ начало же Сказанія вставляются слова «къжьдо своимь родъмь владѣяше», заимствованныя изъ начала Сказанія

объ основаніи Кіева. Въ середину разсказа вставлено о переименованіи Словѣнъ въ Варяговъ и о варяжскомъ происхожденіи Новгородцевъ. Ниже, наконецъ, о дружинѣ Игоревой сказано, что она назвалась Русью, когда сѣла въ Кіевѣ.

III. Составитель Начальнаго свода, переработывая текстъ Древнѣйшаго лѣтописнаго свода, передалъ, повидимому, точно текстъ Сказанія. Его вниманіе было обращено на другое. Какъ мы видѣли, онъ стремился дать хронологическія опредѣленія для древнѣйшихъ событій. Слѣдствіемъ его работы въ этомъ направленіи было то, что Сказаніе о призваніи Варяговъ, а также объ утвержденіи Игоря въ Кіевѣ изложено подъ 6362 (854) годомъ, при чемъ продолженіе древней новгородской записи, гдѣ говорилось о походѣ Олега на Царьградъ, оторвано отъ нея вставками: 6428 (920) года, подъ которымъ изложенъ Игоревъ походъ на Грековъ (по Палеѣ), лѣтописной статьи 6429 года, явно сочиненной для перехода отъ Игорева пораженія къ Ольговой побѣдѣ, наконецъ названія 6430 года (за которымъ слѣдуетъ самый разсказъ объ Ольговомъ походѣ).

IV. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ первой редакціи этого памятника, игуменъ Сильвестръ, положилъ въ основаніе своего труда Начальный сводъ. Но обширныя его знанія, его начитанность, знакомство съ народными сказаніями и преданіями, точныя свѣдѣнія его о странахъ и народахъ, входившихъ въ составъ русскаго государства — все это побудило переработать трудъ своего предшественника, въ особенности въ той части, гдѣ излагались древнѣйшія судьбы Россіи (въ части до 945 года). Главными источниками для такой переработки этой части Начальнаго свода послужили: во-первыхъ, византійскія хроники, во-вторыхъ, географическія познанія самого редактора, въ-третьихъ, южно-русскія преданія и сказанія. Эти три источника отразились и на переработкѣ Сказанія о призваніи Варяговъ и дѣятельности первыхъ варяжскихъ князей. Знакомство съ византійцами сказалось въ тѣхъ хронологическихъ датахъ, подъ которыми изло-

жены отдѣльныя части Сказанія. Извѣстіе о дани, взимавшейся Варягами съ сѣверныхъ племенъ, изложено подъ 6367 (859), самое призваніе Варяговъ подъ 6370 (862) годомъ, смерть Рюрика подъ 6387 (879), походъ Олега на Кіевъ и вокняженіе его въ Кіевѣ подъ 6390 (882) годомъ. Эти годы я считаю частью произвольными, придуманными, но 6370 годъ обязанъ своимъ появленіемъ цѣлому ряду недоразумѣній. Составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ считалъ основнымъ для себя годомъ 6360 (852)-й, въ которомъ, по его мнѣнію, Михаилъ вступилъ на царство [1]): а изъ греческаго лѣтописанія (подъ которымъ разумѣется Амартолъ) онъ зналъ, что при Михаилѣ Русь приходила на Царьградъ. «Тѣмже отселе почнемъ и числа положимъ», рѣшилъ игуменъ Сильвестръ. Съ другой стороны, изъ договора Олега съ Греками извлекался 6420 (912) годъ, признанный годомъ Олеговой смерти, ибо, согласно Начальному своду, Олегъ умеръ вскорѣ послѣ возвращенія изъ Греческаго похода. Такимъ образомъ, отъ перваго лѣта Михаилова, отъ начала Русской земли, отъ перваго Русскаго князя, до перваго лѣта Игоря,—разсуждалъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ, — прошло 60 лѣтъ (6360—6420); Игорь, по даннымъ Начальнаго свода, княжилъ послѣ смерти Олега 23 года (6431 — 6453). Слѣдовательно, отъ перваго лѣта Михаилова и Рюрикова до смерти Игоря оказывалось 83 года. Но Игорь, какъ свидѣтельствовалъ Начальный сводъ, умеръ въ 6453 (945) году. Слѣдовательно, начало Рюрикова княженія оказалось необходимымъ отнести на 6370 (862) годъ, а 6360 (852) остался только годомъ вступленія на царство Михаила [2]).

1) Годъ этотъ возникъ подъ вліяніемъ ошибочныхъ хронологическихъ выкладокъ въ Никифоровомъ лѣтописцѣ вскорѣ, приведенныхъ и въ Повѣсти временныхъ лѣтъ (подъ 6360): изъ этихъ выкладокъ слѣдовало дѣйствительно, что Михаилъ вступилъ на столъ въ 860 году послѣ Р. Х., чему, по древнему счету, соотвѣтствовалъ 6360 годъ отъ С. М. На самомъ дѣлѣ Михаилъ началъ царствовать въ 842 году отъ Р. Х.

2) Потомъ составитель Повѣсти замѣтилъ свою ошибку: отъ начала Рюрикова княженія до смерти Олега онъ считалъ уже не 60, а 50 лѣтъ; зато Игорево княженіе опредѣляется 33-мя, а не 23-мя годами.

Географическія познанія сводчика, обстоятельно изложенныя въ его космографическомъ введеніи, отразились въ слѣдующихъ особенностяхъ переработаннаго имъ Сказанія о призваніи Варяговъ. Начальный сводъ сообщилъ, что Синеусъ сѣлъ на Бѣлѣозерѣ, но на Бѣлѣозерѣ сидитъ Весь (космографическое введеніе: «таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь»); слѣдовательно, заключалъ составитель Повѣсти, Весь принимала участіе въ призваніи Варяговъ и была ими въ свое время обложена данью: отсюда вставка Веси какъ въ сообщеніе о дани, взимавшейся Варягами, такъ и въ извѣстіе о посылкѣ къ Варягамъ за княземъ. Съ другой стороны, маловѣроятнымъ показалось составителю Повѣсти, чтобы въ призваніи Варяговъ могла участвовать Меря, жившая, какъ видно изъ космографическаго введенія, на Ростовскомъ озерѣ и на Клещинѣ озерѣ; скорѣе въ этомъ призваніи могла участвовать, по соображенію игумена Сильвестра, Чудь, иже «пресѣдять къ морю Варяжьскому» (см. космографическое введеніе). Отсюда замѣна Мери Чудью въ извѣстіи о посылкѣ за море къ Варягамъ; при этомъ слово «Чюдь», въ силу именно того, что оно было вставлено (сначала, быть можетъ, приписано надъ строкой), попадаетъ въ перечнѣ племенъ на первое мѣсто: «рѣша Чюдь Словѣни и Кривичи и Вьсь». Такъ же вставлена «Чудь» и тоже на первое мѣсто въ перечнѣ племенъ, съ которыхъ Варягами взималась дань, вслѣдствіе чего читаемъ подъ 6367 годомъ: «имаху дань Варязи приходяще изъ заморья на Чюди и на Словѣнехъ на Мери и на Вьси и на Кривичихъ» (между тѣмъ какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ Начальнаго свода: «Словѣни и Кривици и Меря»). Итакъ, Меря не исключена Повѣстью временныхъ лѣтъ изъ числа племенъ, обложенныхъ Варягами данью: этому помѣшало и то обстоятельство, что подъ 6390 годомъ пришлось упомянуть о дани, наложенной въ пользу Варяговъ Олегомъ опять таки на Словѣнъ, Кривичей и Мерю. Въ связи съ этимъ Мерю все таки пришлось считать подвластною Рюрику, несмотря на то, что она не участвовала въ призваніи князей: и дѣйствительно, городъ Мери, Ростовъ, названъ ниже

среди городовъ, розданныхъ Рюрикомъ своимъ мужамъ: «и раздая мужемъ своимъ грады—прибавляетъ къ тексту Начальнаго свода игуменъ Сильвестръ, — овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро». Мы знаемъ, чѣмъ вызвано упоминаніе Ростова, знаемъ также, что, послѣ смерти Синеуса, Бѣлоозеро дѣйствительно перешло къ Рюрику (ср. Начальный сводъ), но откуда же взятъ Сильвестромъ Полоцкъ? Бѣлоозеро, разсуждалъ онъ, это городъ Веси, участвовавшей въ призваніи Рюрика, Ростовъ — это городъ Мери, несомнѣнно подвластной Рюрику и затѣмъ Олегу. Но въ призваніи участвовали еще Кривичи; надо было назвать ихъ городъ. Составителю Сказанія, новгородцу первой половины XI в., было ясно, что городомъ Кривичей былъ Изборскъ; тамъ поэтому пришлось ему посадить Трувора [1]). Но для южанина Изборскъ — мѣсто мало или почти вовсе неизвѣстное; ему нельзя догадаться, что центромъ Кривичей, призвавшихъ варяжскихъ князей, былъ именно Изборскъ; онъ ищетъ другого города. Остановиться на Смоленскѣ нельзя (ср. въ космогр. введеніи: «отъ нихъ же Кривичи... ихъ же градъ есть Смоленьскъ»), такъ какъ, согласно Начальному своду, городъ Смоленскъ былъ завоеванъ уже преемникомъ Рюрика (то же повторено Повѣстью подъ 6390). Оставалось назвать Полотскъ, ибо Полотскъ былъ дѣйствительно городомъ Кривичей, что̀ видно изъ того, что вся Полотская область называлась иногда Кривичскою [2]). Какъ бы коментируя сообщеніе о городахъ, подвластныхъ Рюрику, составитель Повѣсти продолжаетъ: «И по тѣмъ городомъ суть находници Варязи, а

1) Любопытно слѣдующее замѣчаніе, комментирующее поселеніе Трувора въ Изборскѣ и относящееся, повидимому, ко второй половинѣ XV в.: «а то нынѣ пригородокъ Псковскій, а тогда былъ въ Кривичехъ болшій городъ» (Архангелог. лѣт., изд. 1819 г., с. 4).

2) Ср. Лавр. подъ 1127, Ип. подъ 1128: посла князь Мстиславъ братью свою на Кривичѣ, четырми пути. Подъ 1140 Ип. называетъ Полотскихъ князей Кривитьскими (Хлѣбн. Кривскыа); также подъ 1162: съ Кривьскими князьми. Ср. еще въ Воскр. подъ 1129: пославъ по Кривскіе (т. е. Полотскіе) князи.

перьвии насельници в Новѣгородѣ Словѣне, Полотьстѣ Кривичи, в Ростовѣ Меря, в Бѣлѣозерѣ Весь, в Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаше Рюрикъ». Это мѣсто разъясняетъ, почему выше названы Полотскъ, Ростовъ и Бѣлоозеро: потому именно, что первые насельники этихъ городовъ — Кривичи, Меря и Весь, частью участвовали въ призваніи «находниковъ» Варяговъ, частью были въ разное время обложены данью Варягами и въ пользу Варяговъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это же мѣсто, въ особенности вслѣдствіе упоминанія въ немъ Муромы и Мурома, сближается съ слѣдующимъ отрывкомъ космографическаго введенія: «тудѣ бо сѣдять Кривичи; таже сѣверъ отъ нихъ на Бѣлѣозерѣ сѣдять Весь, а на Ростовьскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ озерѣ Меря же; а по Оцѣ рѣцѣ гдѣ втечеть в Волгу Мурома языкъ свой». — Съ космографическимъ введеніемъ сближается, какъ мы видѣли, еще одна вставка, сдѣланная въ текстъ Сказанія составителемъ Повѣсти. Упомянувъ о томъ, что послы сѣверныхъ племенъ «идоша за море къ Варягомъ к Руси», онъ дѣлаетъ пояснительное замѣчаніе: «сице бо ся звахуть Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свеи, друзии же Урмане [1]), Анъгляне, друзіи Гъте, тако и си Русь». Ср. въ космографическомъ введеніи: «Афетово бо и то колѣно: Варязи, Свеи, Урмане, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волъхва» и т. д.

Третьимъ источникомъ, побудившимъ составителя Повѣсти измѣнить текстъ Сказанія, были, какъ указано, народныя преданія и сказанія. Прежде всего онъ захотѣлъ связать съ новгородскою легендой о призваніи князей южное преданіе о варяжскомъ происхожденіи русскихъ князей, ихъ дружины и самаго имени Русь. На югѣ помнили, что Русью назывались сначала только Варяги, и что лишь впослѣдствіи имя Русь перешло и на

1) Чтеніе «Нурмани» появляется впервые, кажется, въ Софійской 1-й лѣтописи; въ космогр. введеніи такъ читается во всѣхъ спискахъ этой лѣтописи (и въ Соф. 2-й), а подъ 6370 (Нурмане)—только въ младшихъ спискахъ: Бальзеровскомъ, Горюшкинскомъ, Воскресенскомъ и спискѣ Царскаго; въ старшихъ (и въ Соф. 2-й): армане (*армяне*).

остальное населеніе Кіевской области («Поляне, яже нынѣ зовомая Русь») и другихъ областей, подвластныхъ кіевскому князю. Вотъ основаніе для вставки «къ Руси» послѣ словъ «и идоша за море къ Варягомъ». Вставка эта вызвала, какъ мы видѣли географическую справку, ссылку на космографическое введеніе, но ясно, что и въ самомъ этомъ введеніи «Русь» вставлена именно подъ вліяніемъ предположенія, что извѣстная часть Варяговъ носила имя Руси и на родинѣ. Правда, лѣтописецъ встрѣчалъ возраженія со стороны тѣхъ же Варяговъ, его современниковъ, жившихъ въ Кіевѣ, проѣзжавшихъ мимо Кіева: они объяснили ему, кто такое Варяги — это Свеи (Шведы), Нурмане (Норманны), Готе (жители Готланда), наконецъ Англяне; но эти возраженія не остановили лѣтописца: такова была его вѣра въ мѣстное народное преданіе о варяжскомъ происхожденіи имени «Русь». Онъ всетаки помѣстилъ «Русь» среди варяжскихъ племенъ въ своемъ космографическомъ введеніи, рѣшившись отразить сдѣланныя ему возраженія другимъ, новымъ предположеніемъ, которое и вставлено въ текстъ Сказанія. «И пояша съ собою дружину многу и предивну», говоритъ Начальный сводъ; составитель Повѣсти замѣняетъ эти слова другими: «и пояша по собѣ всю Русь». Теперь ему не опасны возраженія современныхъ Варяговъ: Руси дѣйствительно нѣтъ въ настоящее время на западѣ, среди племенъ, извѣстныхъ Варягамъ, но она была тамъ раньше, пока ее не вывели изъ за моря всю, безъ остатка, Рюрикъ и его братья. Объясненіе это не останавливаетъ игумена Сильвестра своею неправдоподобностью, но зато онъ считаетъ необходимымъ устранить изъ текста Сказанія два мѣста, рѣшительно противорѣчащихъ его теоріи. Въ Начальномъ сводѣ читалось: «и отъ тѣхъ Варягъ находникъ тѣхъ прозъвашася Словѣне Варягы»; и такъ «Варяго-Руссы», призванные на княженіе, сами себя называли Варягами; но вѣдь это разрушитъ всю теорію составителя Повѣсти! Поправка «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля» благополучно, по мнѣнію игумена Сильвестра, разрѣшаетъ запутывавшійся вопросъ; но насъ эта фраза поражаетъ своею неожидан-

ностью, ибо о Русской землѣ, до разсказа о соединеніи Кіева съ Новгородомъ, можно было бы не упоминать. Второе мѣсто, обратившее на себя въ Начальномъ сводѣ особенное вниманіе составителя Повѣсти, читалось ниже: «и бѣша у него мужи Варязи и Словѣне и оттолѣ прозвашася Русью», т. е. Варяги и Словѣне прозвались Русью только съ тѣхъ поръ, какъ въ качествѣ дружинниковъ варяжскаго князя, переселились съ нимъ на югъ, въ Кіевъ; слѣдовательно, въ Кіевъ имя Руси принесено не Варягами; но это рѣшительно противорѣчитъ и мѣстному преданію и всему уже сказанному выше самимъ составителемъ Повѣсти. Вотъ почему приведенная нами фраза должна была подвергнуться измѣненію; вмѣсто нея читаемъ: «и бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью» (см. подъ 6390 г.). Смыслъ поправки ясенъ: Варяги, призванные Словѣнами, назывались искони Русью; Русью же назвались призвавшіе ихъ Словѣне; когда же Варяги и Словѣне перешли съ сѣвернымъ княземъ въ Кіевъ, и прочіе (т. е. между прочимъ и Поляне) стали называться Русью.

Кромѣ преданія о варяжскомъ происхожденіи имени Русь, составителю Повѣсти пришлось ввести въ Сказаніе и другія южныя преданія. Такъ подъ 6367 годомъ, послѣ сообщенія о дани, взимавшейся на сѣверѣ Варягами, онъ прибавилъ, что въ томъ же размѣрѣ «по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма» (а по Новгородскому преданію «отъ мужа») [1]) взимали дань Хазары на Полянахъ, Сѣверянахъ и Вятичахъ. Кіевское преданіе помнило, конечно, только о томъ, что подобная дань взималась именно съ Полянъ. Въ связи съ этимъ преданіемъ находилось другое, занесенное въ сокращенномъ, впрочемъ, видѣ и въ Начальный сводъ: это преданіе объ Аскольдѣ и Дирѣ, освободившихъ Полянъ отъ хазарской дани и вокняжившихся въ Кіевѣ. Составитель Повѣсти передаетъ это южное преданіе въ болѣе полномъ видѣ, но его сильно

1) Ср. южное преданіе, читавшееся уже въ Начальномъ сводѣ, о томъ, что Поляне заплатили Хазарамъ, въ видѣ дани, отъ *дыма* по мечу.

озабочиваетъ мысль, какъ связать появленіе Аскольда и Дира съ призваніемъ «русскихъ» князей и какъ понять извѣстіе византійской хроники о нападеніи «Руси» на Царьградъ. «Русью» Кіевская область и ея обитатели, Поляне, назвались вѣдь только при Олегѣ (см. выше). Начальный сводъ нисколько не смущался тѣмъ, что заговорилъ (на основаніи греческой хроники) о нападеніи «Руси» на Царьградъ до разсказа о призваніи Варяговъ; онъ не смущался и тѣмъ, что говорилъ о появленіи Варяговъ Аскольда и Дира въ Кіевѣ до сообщенія о прибытіи Рюрика съ братьями въ Новгородъ. Но составителю Повѣсти, для котораго выясняется, что во главѣ «Руси», совершившей нападеніе на Царьградъ при царѣ Михаилѣ, находились именно Аскольдъ и Диръ, ибо по самому времени, когда случилось это нападеніе, его нельзя приписать ни Рюрику, ни Олегу, ни тѣмъ менѣе Игорю, составителю Повѣсти,— говорю я,— надо было согласовать походъ «Руси», во главѣ съ Аскольдомъ и Диромъ, съ призваніемъ въ Новгородъ варяжскихъ князей, принесшихъ съ собою имя «Русь». «Въ лѣто 6360 индикта 15, наченшю Михаилу царствовати нача ся прозывати Руская земля», сказалъ составитель Повѣсти временныхъ лѣтъ. «И отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля», писалъ онъ ниже. Слѣдовательно, нападеніе Руси на Царьградъ при царѣ Михаилѣ и вокняженіе Аскольда и Дира въ Кіевѣ случилось послѣ призванія Варяговъ въ Новгородъ. Но кромѣ того Аскольда и Дира надо связать съ призванными князьями-братьями: самостоятельное появленіе ихъ въ Кіевѣ не объяснило бы, почему греческій лѣтописецъ назвалъ Полянъ и другихъ южныхъ Славянъ, бывшихъ въ ихъ полчищахъ, Русью; вся Русь прибыла вмѣстѣ съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ на сѣверъ; слѣдовательно, Аскольда и Дира должно признать дружинниками одного изъ этихъ князей. Составитель Повѣсти назвалъ Аскольда и Дира мужами, боярами Рюрика, испросившимися въ Царьградъ и безъ разрѣшенія своего князя засѣвшими въ Кіевѣ.

Опредѣливъ отношеніе князей Аскольда и Дира къ князю

Рюрику, родоначальнику русскаго княжескаго дома, составитель Повѣсти долженъ былъ задуматься надъ отношеніями къ этому родоначальнику позднѣйшихъ князей, Игоря и Олега. Начальный сводъ призналъ Игоря сыномъ Игоря, а Олега его воеводой. Но составителю Повѣсти нельзя согласиться съ такимъ рѣшеніемъ вопроса: южное преданіе настойчиво называло Олега княземъ; тотъ же титулъ, титулъ великаго князя, данъ Олегу въ двухъ извѣстныхъ составителю Повѣсти договорахъ съ Греками. Князьями были, слѣдовательно, и Олегъ и Игорь. Не желая разрушать связи Игоря съ Рюрикомъ, установленной Начальнымъ (или, быть можетъ, еще и Древнѣйшимъ) сводомъ, признавъ поэтому Игоря сыномъ Рюрика, составителю Повѣсти остается прибѣгнуть къ предположенію, что Олегъ правилъ вмѣсто Игоря, вслѣдствіе его малолѣтства; но, конечно, онъ и самъ былъ княжескаго рода: «умершю Рюрикови предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, въдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря, бѣ бо дѣтескъ вельми». Отсюда вытекала необходимость приписать Олегу многое изъ того, что Начальный сводъ приписывало Игорю: покореніе Смоленска и Кіева, постройку городовъ и уставленіе дани съ Кривичей, Мери и Новгорода: «еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ»—такъ исправляетъ слова: «еже и нынѣ даютъ» хорошо освѣдомленный лѣтописецъ.

Кромѣ указанныхъ дополненій и исправленій, составитель Повѣсти внесъ еще нѣсколько незначительныхъ поправокъ въ текстъ Сказанія. Онъ опускаетъ слова «и городы ставити» въ фразѣ «и изгнаша я за море и начаша владѣти сами собѣ и городы ставити». Въ разсказѣ новгородца слова эти имѣли, конечно, какое-нибудь основаніе: появленіе самостоятельной власти ознаменовывалось, по представленію лѣтописца, прежде всего постройкой городовъ (ср. сказанное объ этомъ выше); лѣтописецъ зналъ рядъ сѣверныхъ городовъ, возникшихъ въ старое время, еще до призванія Варяговъ; но составителю Повѣсти эти города неизвѣстны: онъ знаетъ Новгородъ, построенный Словѣнами, по прибытіи ихъ къ озеру Ильменю, знаетъ Бѣлоозеро,

Ростовъ, слышитъ объ Изборскѣ, но не понимаетъ, о какихъ же городахъ идетъ рѣчь въ разсказѣ новгородца; вотъ почему онъ опускаетъ указанныя слова. Ниже новгородское сказаніе повѣствовало о томъ, какъ вслѣдствіе возникшихъ усобицъ «въсташа градъ на градъ». И это показалось южанину неудачнымъ выраженіемъ (какіе же это сѣверные города? спрашивалъ онъ себя); онъ замѣняетъ приведенныя слова другими: «и въсташа родъ на родъ». Вѣдь говорилъ же Начальный сводъ, въ началѣ сказанія, что Словѣне, Кривичи и Меря владѣли кождо своимъ родомъ; вѣдь сказано же выше, въ Начальномъ сводѣ (и повторено составителемъ Повѣсти въ космографическомъ введеніи), что въ тѣ отдаленныя времена «живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстѣхъ и странахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ». Ниже слова Начальнаго свода: «и суть Новъгородьстии людие до днешняго дни отъ рода Варяжьска» дополнены составителемъ Повѣсти словами «преже бо бѣша Словѣни»: мы уже сопоставили ихъ съ тѣмъ мѣстомъ Повѣсти (подъ 6406), гдѣ о Полянахъ сказано: «Отъ Варягъ бо прозвашася Русью, а первое бѣша Словене».

V. Вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ возникла, какъ мы видѣли, въ 1117—1118 годахъ. Мы указывали на главное отличіе Сказанія о призваніи Варяговъ по этой редакціи отъ только что нами разсмотрѣннаго его вида. Оно вызвано знакомствомъ составителя этой редакціи съ ладожскимъ преданіемъ, отстаивавшимъ старшинство Ладоги передъ Новгородомъ и связывавшимъ Рюрика и другихъ варяжскихъ князей съ воспоминаніями объ основаніи Ладоги: «и придоша къ Словѣномъ пѣрвѣе и срубиша городъ Ладогу». Новгородъ, по Сказанію второй редакціи Повѣсти, выстроенъ Рюрикомъ уже по смерти братьевъ. Въ связи съ этимъ нельзя не поставить слѣдующій пропускъ въ разсматриваемомъ текстѣ Сказанія. Послѣ словъ «и отъ тѣхъ Варягъ прозвася Руская земля» опущена фраза: «и суть Новъгородьстии людие отъ рода Варяжьска, преже бо бѣша Словѣне». Состави-

телю второй редакціи она показалась неумѣстною именно потому, что о Новгородѣ рѣчь идетъ ниже.

VI. Изъ позднѣйшихъ редакцій Сказанія наше вниманіе останавливается на редакціи Владимирскаго полихрона, правда не дошедшаго до насъ, но возстановляемаго по нѣсколькимъ источникамъ. Особенности этой редакціи, весьма близкой къ Повѣсти временныхъ лѣтъ первой редакціи (ср. списки Лаврентьевскій и Троицкій), разсмотрѣны нами выше (гл. VII). Сказаніе въ Новгородскомъ сводѣ 1421 года представляло текстъ Начальнаго свода, переданный, повидимому, безъ всякихъ измѣненій. Сводъ 1448 года, возстанавливаемый сравнительнымъ изученіемъ Новгородской 4-й и Софійской 1-й лѣтописей, представлялъ и въ Сказаніи о призваніи Варяговъ соединеніе особенностей полихрона съ особенностями Новгородскаго свода 1421 года (гл. VII). И Софійская 1-я и Новгородская 4-я лѣтописи восходятъ къ своду 1448 года, при чемъ нѣкоторые списки Софійской 1-й подверглись вліянію московскихъ, а нѣкоторые списки Новгородской 4-й вліянію новгородскихъ лѣтописей (списковъ Новгородской 1-й). Такъ, съ одной стороны, въ спискѣ Царскаго Софійской 1-й «еже не дають» подъ 6390 (882) годомъ исправлено въ «еже и даваше Варягомъ и до смерти Ярославли. Такъ, съ другой стороны, Карамзинскій списокъ Новгородской 4-й лѣтописи представляетъ подъ тѣмъ же годомъ чтеніе, восходящее къ Коммиссіонному или сходному списку Новгородской 1-й: «и оттолѣ прозвашася Русью»; такъ же Голицынскій списокъ имѣетъ чтеніе Новгородской 1-й лѣтописи подъ 6370 (862), гдѣ читаемъ: «и въста городъ на городъ» вмѣсто «и въста родъ на родъ». — Коммиссіонный списокъ Новгородской 1-й представляетъ Сказаніе въ редакціи, весьма близкой къ Новгородскому своду 1421 года (а слѣдовательно, и къ Начальному своду); но это Сказаніе, какъ вообще весь текстъ Коммиссіоннаго списка, подверглось вліянію Новгородской 4-й лѣтописи.

Споръ между норманистами и ихъ противниками завязался въ первой половинѣ прошлаго столѣтія вокругъ лѣтописнаго текста Повѣсти временныхъ лѣтъ. Здравая критика, внесенная въ пониманіе его Эверсомъ, Костомаровымъ, Гедеоновымъ, Иловайскимъ и другими, показала всю шаткость основанія, на которомъ строили свое зданіе норманисты. Но ихъ противники ушли слишкомъ далеко по пути отрицанія и не пожелали увидѣть за буквой лѣтописнаго текста такіе элементы народныхъ преданій, которые не предумываются и не создаются фантазіей. Это зависѣло отъ того, что противники норманистовъ главное свое вниманіе обратили на противорѣчіе между свидѣтельствомъ «Нестора» и свидѣтельствомъ цѣлаго ряда другихъ несомнѣнно достовѣрныхъ источниковъ. Во-первыхъ, соображенія хронологическія не позволяли относить призваніе Руси къ 862 году, такъ какъ византійцы знали Русь и въ первой половинѣ IX столѣтія. Во-вторыхъ, многочисленныя данныя, среди которыхъ выдвигаются между прочимъ и Амастридская и Сурожская легенды, такъ тщательно обслѣдованныя В. Г. Васильевскимъ, рѣшительно противорѣчатъ разсказу о прибытіи Руси, въ серединѣ IX столѣтія, съ сѣвера, изъ Новгорода; имѣется рядъ указаній на давнее мѣстопребываніе Руси именно на югѣ, и въ числѣ ихъ не послѣднее мѣсто занимаетъ то обстоятельство, что подъ Русью долгое время разумѣлась именно югозападная Россія и что Черное море издавна именовалось Русскимъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность доказать, что вставка имени Русь въ разсказъ о призваніи варяжскихъ князей и отожествленіе Руси съ Варягами сдѣланы кіевскимъ лѣтописцемъ, редактировавшимъ въ началѣ XII в. новгородское сказаніе, дошедшее до него въ болѣе древнемъ кіевскомъ же сводѣ почти въ томъ самомъ видѣ, какъ оно было записано въ Новгородѣ въ первой половинѣ XI ст. И самое это новгородское сказаніе, лишь слегка измѣненное кіевскимъ лѣтописцемъ и позднѣйшимъ редакторомъ XV в., находится въ нашемъ распоряженіи.

Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго исходнаго начала для

сужденія о Варяго-Руссахъ, вмѣсто текста Повѣсти временныхъ лѣтъ, мы имѣемъ теперь передъ собою: во-первыхъ, новгородское сказаніе о призваніи князей изъ Варяговъ, не смѣшиваемыхъ съ Русью, сказаніе предполагающее, какъ мы видѣли, народное преданіе о приглашеніи въ Новгородъ наемной варяжской дружины; во-вторыхъ, работу кіевскаго лѣтописца, отожествившаго Варяговъ съ Русью; и за этой работой мы видимъ народное, кіевское преданіе объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи Руси, преданіе не дававшее при томъ никакихъ хронологическихъ указаній на время появленія Руси въ южной Россіи.

Исторической наукѣ предстоитъ связать оба преданія — сѣверное и южное съ тѣми событіями, которыя въ дѣйствительности могли имѣть мѣсто при созданіи Русскаго государства.

А. Шахматовъ.

Ноябрь — декабрь 1904 года.